

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ХАБАРОВСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА

Р. Р. Галиакбаров

КВАЛИФИКАЦИЯ
МНОГОСУБЪЕКТНЫХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ
БЕЗ ПРИЗНАКОВ
СОУЧАСТИЯ

ХАБАРОВСК 1987

Одобрено редакционно-издательским советом
Хабаровской высшей школы МВД СССР

Рецензент:

кандидат юридических наук

доцент **В. Г. Беляев**

Высшая следственная школа МВД СССР

Галиакбаров Р. Р.

Г157 Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия: Учебное пособие.— Хабаровск: Хабаровская высшая школа МВД СССР, 1987.— 96 с.

Работа посвящена вопросам совершенствования уголовного законодательства и практики его применения на основе уяснения нетрадиционных аспектов множественности. В ней даются рекомендации по квалификации преступлений при наличии признаков группы. Решаются вопросы квалификации неосторожных много субъектных преступлений.

ВВЕДЕНИЕ

Ускорение социально-экономического развития страны ставит задачи «всестороннего совершенствования социалистического общества, более полного и эффективного использования его возможностей и преимуществ в целях дальнейшего продвижения к коммунизму»¹, существенного и необратимого сокращения преступности и правонарушений. В их выполнении определенная роль принадлежит уголовному законодательству, которое развивается с учетом специфики общественных отношений и на каждом отрезке поступательного развития общества должно отражать особенности господствующих общественных отношений. Не случайно на январском Пленуме ЦК КПСС 1987 г. была поставлена задача создания нового уголовного законодательства, «чтобы оно полнее отвечало условиям развития советского общества, более эффективно защищало интересы и права граждан, вело к укреплению дисциплины и правопорядка»².

Общая тенденция совершенствования уголовного законодательства в период ускоренного социально-экономического развития страны — это поступательная экономия уголовной репрессии, обусловленная сужением сферы уголовной ответственности, постепенной заменой наказания мерами общественного воздействия. Этот процесс реально отражает укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, всемерное разворачивание социалистической демократии, гласность, все более широкое вовлечение граждан в управление делами общества и государства. Однако совершенствование уголовного законодательства в этот период не должно опережать реальности, в частности, того факта, что все еще сохраняются опасные посягательства на социалистическую и личную собственность, личность, другие объекты уголовно-правовой охраны.

В Программе Коммунистической партии Советского Союза подчеркнуто, что «партия придает первостепенное значение последовательному и настойчивому искоренению... хищений и взяточничества, спекуляции и туеядства, пьянства и хулиганства...»³. Государственные органы «обязаны делать все необходимое для обеспечения сохранности социалистической собственности, охраны личного имущества, чести и достоинства граждан, вести решительную борьбу с преступностью, пьянством и алкоголизмом, предупреждать любые правонарушения и устранять порождающие их причины»⁴. На это постоянно обращается внимание и в выступлениях Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Так, в речи на мартовском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев подчеркнул, что «будут и впредь приниматься решительные меры по дальнейшему наведению порядка, очищению нашей жизни от чуждых явлений, от любых посягательств на интересы общества и его граждан, по укреплению социалистической законности»⁵.

Данное обстоятельство предопределяет своеобразие реализации экономии уголовно-правового воздействия в конкретных институтах уголовного законодательства в этот период. Очевидно, что само сужение сферы уголовно-правового воздействия, всякая декриминализация и депенализация должны касаться на этом отрезке развития общества, в основном, уголовных проступков.

Подобный подход к решению вопроса предопределяется объективной потребностью исключения ослабления борьбы с преступностью. В последующем, с дальнейшим совершенствованием общественных отношений, сужение сферы уголовной ответственности, постепенная замена наказания мерами общественного воздействия будут внедряться во все более широких пределах.

Данное обстоятельство предопределяет особенности современного уголовного законодательства и прогноз его развития на ближайшую перспективу. Представляется, что при общей тенденции экономии уголовной репрессии в этот отрезок времени в уголовном законодательстве должен сохраняться достаточно жесткий блок, обеспечивающий эффективную борьбу с широко распространенными категориями наиболее опасных преступлений. При этом и в период ускорения социально-экономического развития страны в исключительных случаях может возникать потребность организации уголовно-правовой борьбы с вновь появляющимися видами общественно опасных посягательств. Такая практика, тем не

мее, будет носить вынужденный исключительный характер и затрагивать, в основном, сферу умышленных преступлений, а также сферу части наиболее опасных неосторожных преступлений, вызванных к жизни различными источниками опасности, порожденными научно-технической революцией.

На уровне институтов Общей части уголовное законодательство современного периода развития должно не только в полной мере отражать положения Конституции СССР, иметь научно и практически обоснованное содержание норм и институтов, но и внутреннюю «потребность» совершенствования, с тем, чтобы эти институты стимулировали отвечающее социальным потребностям дальнейшее развитие законодательства и обеспечивали его реальный вклад в практику борьбы с преступностью.

Таким образом, в самой общей форме можно утверждать, что в современных тенденциях криминализации и декриминализации правонарушений прослеживаются два направления. Первое (основное) — советское уголовное законодательство развивается по пути экономии уголовной репрессии, обусловленной сужением сферы уголовной ответственности, заменой наказания мерами общественного воздействия. Этот процесс фиксирует изменения, отражающие всемерное развертывание социалистической демократии, гласности, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, все более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества⁶.

Второе (вспомогательное) направление — реальная криминализация определенных новых типов опасных деяний, совершенно нетерпимых в социалистическом обществе, требующих решительной борьбы уголовно-правовыми средствами. Криминализация в этом аспекте не имеет развернутой перспективы. Она осуществляется как временное вынужденное средство, направленное на борьбу с наиболее опасными деяниями, причиняющими существенный вред социалистическим общественным отношениям⁷.

Процесс криминализации может воплощаться в нескольких формах: конструирование новых, ранее не существовавших составов, нацеленных на борьбу с отдельными распространенными видами общественно опасных деяний; повышение верхних пределов санкций в рамках существующих составов (заметим попутно, что такая

форма криминализации практически почти не применяется); отдельные ограничения в применении институтов освобождения от наказания к некоторым категориям осужденных; конструирование норм общего характера, связанных с решением задач, поставленных перед уголовным правом⁸, вызывающих более широкий спектр нежелательных для субъекта правовых последствий.

В последней форме криминализации возможны ситуации, когда видоизменение, уточнение существующих, формулирование новых понятий не влечет более суровых мер воздействия на правонарушителя, а вызвано другими целями: придать системе уголовно-правовых норм большую гибкость, обеспечить ее стабильность, повысить эффективность влияния на опасные эксцессы, предопределить единство практики разрешения конкретных категорий уголовных дел и т.п.

Следовательно, и это принципиально важно, уточнение или формулирование новых правил, а также возможная отработка новых институтов может вызываться к жизни не целями реального усиления пределов ответственности, а может быть обусловлена иными потребностями социальной практики, в конечном счете, отражающимися в реальном совершенствовании уголовного законодательства и уточнении границ практики его применения.

Среди таких вопросов в области уголовного права сохраняют свою актуальность проблемы, касающиеся разработки института множественности преступлений, в частности, конструирование специальных правил множественности, нацеленных на единообразное решение практически важных вопросов в законе и обеспечение единства практики разрешения в судах дел этой категории.

Сопоставление криминологической реальности в данной области с существующими уголовно-правовыми средствами учета множественности в законе и реализация связанных с нею уголовно-правовых последствий показывает, что действующее уголовное законодательство ныне не решает ряда принципиальных вопросов, поставленных теорией уголовного права и практикой борьбы с преступностью. Существующие представления об институте множественности формировались на базе достижений науки уголовного права 60-х гг. В последние годы теоретические представления по ряду проблем множественности существенно изменились. Стала от-

четливо прослеживаться тенденция ее «прорастания» в другие отрасли права, в частности в уголовный процесс, административное право и др., что свидетельствует о ее общеправовом характере и невозможности сведения лишь к проблематике уголовного права.

К тому же и более детальная проработка множественности в рамках теории уголовного права, вызванная к жизни изменениями, происшедшими в самой преступности, и настоятельными потребностями учета ряда ближайших и более отдаленных последствий, порожденных событием преступления, в значительной мере стимулировала возникновение новых идей в этой области и, в частности, идеи о том, что сложившиеся представления о множественности раскрывают лишь часть ее проявлений.

В настоящее время практически решен вопрос о множественности преступлений в уголовном праве. Теория уголовного права накопила солидный запас знаний по данной проблеме. Больше того, эта проблематика, научно и практически апробированная, вошла в учебники советского уголовного права самостоятельным разделом⁹.

Прошедшее в науке уголовного права теоретическое и прикладное осмысление различных вопросов этой проблемы позволяет утверждать, что разработанные ныне аспекты раскрывают не все ее проявления, в частности, в пределах учения о преступлении закономерности множественности отчетливо прослеживаются, вызывая конкретные уголовно-правовые последствия, не только на уровне преступления, но и субъекта преступления, и в иных качествах. Это говорит о том, что теоретическая разработка множественности в уголовном праве ведется односторонне. Упускается, что она может проявиться не только как повторность, рецидив и совокупность преступлений, но и на уровне признаков, характеризующих субъекта и иных лиц, причастных к событию преступления, и др. Накопленные знания позволяют предположить, что проявления множественности в уголовном праве охватывают не только область объективных свойств деяния, но касаются также субъекта преступления, других физических лиц, причастность которых к посягательству зачастую вызывает ряд определенных типизированных уголовно-правовых последствий. Этот аспект проблемы ныне остается неизученным и ждет своих исследователей.

Представляется, что множественность — это одна из форм бытия права в целом, а в уголовном праве она

носит сквозной характер. По своей природе это общий институт учения о преступлении, в котором множественность преступных деяний образует лишь одну самостоятельную форму. Другую, не менее значимую, составляет группа уголовно-правовых явлений, которые можно условно назвать множественностью участников одного преступления. Для ясности оговоримся, что в данном случае имеются в виду такие аспекты стечения нескольких лиц в одном преступлении, которые не укладываются в традиционные границы соучастия в преступлении, зачастую носят самостоятельный характер, а уголовно-правовые последствия, вызываемые сопричастностью с преступлением нескольких физических лиц, нередко не могут быть объяснены через призму традиционных положений соучастия.

В самом первом приближении множественность участников одного преступления помимо традиционного соучастия охватывает: неосторожное сопричинение преступного результата усилиями нескольких лиц, объективное групповое исполнение посягательства, когда преступление совершается личными действиями субъекта ответственности с дополнительным привлечением усилий невиновно действующего лица или лица, не подлежащего уголовной ответственности. Эти ее виды следует отличать от посредственного причинения, стечения потерпевших (толпа, группа и др.) как признаков обстановки совершения преступного посягательства и других вариантов стечения нескольких лиц в преступлении, вызывающих уголовно-правовые последствия. Важно подчеркнуть, что при сосредоточении нескольких лиц (субъектов ответственности и лиц, не обладающих признаками субъекта преступления) в различных вариантах уголовно-противоправного опасного поведения возникают типизированные уголовно-правовые последствия, которые вовсе не поддаются истолкованию только через призму существующих теоретических представлений о соучастии в преступлении. Скорее напрашивается вывод, что само соучастие предстает в качестве структурного элемента более широкого явления — института множественности, в частности, его блока, охватывающего различные виды стечения нескольких лиц в одном преступлении. Предпринимавшиеся в прошлом попытки решать проблемы стечения нескольких лиц только через призму учения о соучастии в преступлении привели к затянувшимся спорам на страницах юридической печати по многим теоретически и практически важным проблемам. При

этом в ходе дискуссии по существу конкретных вопросов высказывалось столько же противоречивых суждений, сколько специалистов участвовало в обсуждении.

О сквозном характере института множественности и, в частности, его структурного блока — множественности участников одного преступления свидетельствует и то обстоятельство, что уголовно-правовые последствия, порождаемые фактом стечения нескольких лиц в одном преступлении, отражаются и проявляются в самых различных аспектах. Они влияют на содержание материального признака преступного посягательства, на его общественную опасность, учитываются при формировании основания ответственности. Кроме того, они отражаются на определении форм совершения посягательства в процессе конструирования уголовно-правовой нормы, влияют на определение круга субъектов посягательства, на структурные элементы объекта охраны, учитываются при определении границ предметного содержания вины. Проявления множественности участников одного преступления принимаются во внимание в процессе индивидуализации наказания. Кроме того, на уровне Особенной части уголовного законодательства они учитываются при конструировании признаков основных и квалифицированных составов.

Этот перечень правовых последствий, порождаемых фактом стечения нескольких лиц в одном преступлении, может быть продолжен и далее. Очевидно, что наряду с теоретической разработкой проблемы в самом уголовном законодательстве основные аспекты множественности должны получить правовую регламентацию, ибо лишь этот путь позволит снять многие спорные вопросы не только в теории, но и в практике применения уголовного закона. Необходима определенная перестройка и в преподавании курса уголовного права, где проблема множественности во всех ее аспектах, и теоретических, и прикладных, должна занять достойное место.

Подлежат теоретическому осмыслению и другие аспекты, в которых может бытовать множественность в уголовном праве. Так, например, вовсе не исключена возможность анализа через призму множественности проблемы объекта преступления, в частности, классификации объектов охраны и определения «своих» типизированных правовых последствий в механизме уголовно-правовой охраны и регулирования. Не исключена правомерность анализа через призму множественности и предметного содержания вины субъекта, когда она проявляет-

ся в границах составов, допускающих различное психическое отношение к действиям (бездействию) и наступившим последствиям. Например, в составах, предусмотренных ч. 2 ст. 108, ч. 2 ст. 149 УК РСФСР и др.

Назрело время решения и других общих и частных вопросов проблемы множественности, направленных на повышение эффективности действующего законодательства и практики его применения. Анализу части этих вопросов посвящена настоящая работа. При этом автор видит свою задачу лишь в постановке проблемы. Ее углубленная разработка, очевидно, потребует дальнейших усилий специалистов.

Глава I. МНОЖЕСТВЕННОСТЬ — ИНСТИТУТ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Перед наукой советского уголовного права стоит задача теоретического обоснования дальнейшего развития институтов и норм уголовного права социалистического общества в период перестройки. Среди ряда важных вопросов, нуждающихся в специальном изучении и обсуждении, стоит проблема нетрадиционных аспектов множественности.

В теории советского уголовного права сформировалась и ныне утвердилась концепция множественности преступных деяний¹. Под множественностью понимается стечение нескольких правонарушений, предусмотренных уголовным законом, в поведении одного и того же лица, при условии, что каждый из актов общественно опасного поведения субъекта представляет собой самостоятельный состав преступления. Составы этих преступлений могут совпадать по своим признакам, отличаться друг от друга по объекту, объективным и субъективным признакам. Однако субъект преступления во всех случаях выступает цементирующим началом, которое объединяет все эти преступления в одно целое — в множественность преступных деяний.

Повторность, рецидив, совокупность преступлений в границах множественности имеют сходную социально-правовую природу, и по этой причине многие однородные свойства этих правовых элементов множественности проявились лишь в результате комплексного изучения. Дальнейшая теоретическая проработка проблем множе-

ственности преступных деяний позволила прийти к выводу о целесообразности их единого законодательного регулирования в рамках специального раздела Общей части уголовного законодательства, что уже нашло реализацию в уголовном законодательстве ряда социалистических государств. В качестве иллюстрации можно привести Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии, который включает специальный раздел, объединяющий нормы, относящиеся к множественности преступных деяний².

Ныне предмет множественности в уголовном праве ограничивается лишь одним аспектом — множественностью преступлений. Эта концепция доказала свою жизненность и практическое значение. Вместе с тем нам представляется, что развитие теоретической модели множественности идет лишь в одном из возможных ее аспектов. В теории уголовного права не учитывается, что множественность может проявляться и в других качествах, причем вызывать ощутимые типизированные уголовно-правовые последствия, не поддающиеся объяснению через существующие представления о данном правовом явлении. Достаточно в этой связи упомянуть практику квалификации как групповых посягательств деяний, учиненных надлежащим субъектом ответственности совместно с физическим лицом, не обладающим признаками субъекта преступления — невменяемым либо лицом, не подлежащим ответственности в силу недостижения соответствующего возраста, предусмотренного уголовным законом.

В багаже теории уголовного права появилась информация и об иных уголовно-правовых явлениях, которые никак не укладываются в существующие теоретические представления о тех или иных институтах, а попытки «уложить» их в традиционные представления порождают споры в юридической литературе и весьма отрицательно отражаются на практике разрешения в судах конкретных категорий уголовных дел. Так, например, не может разрешиться через существующие теоретические концепции такое выдвигаемое самой практикой явление, как неосторожное сопричинение преступного результата. Простекая главным образом из проблемы неосторожных преступлений, связанных с использованием техники, этот аспект становится все более значимым. В условиях научно-технической революции общество сталкивается с неблагоприятными изменениями в структуре неосторожных преступлений. Все возрастающая техническая воору-

женность современного производства, оснащение его все более сложными системами, работа на которых может совершаться только группой операторов и нередко сопряжена с экстремальными условиями, все чаще ставит перед практикой вопросы, связанные с ответственностью нескольких лиц, совершивших одно преступление по неосторожности. В качестве иллюстрации можно сослаться на чернобыльскую катастрофу, на гибель нескольких сотен пассажиров «Адмирала Нахимова». Однако каких-либо теоретических концепций, обосновывающих целесообразное нормативное разрешение этого вопроса, пока нет. В то же время известно, что рамки института соучастия и теоретические представления о нем места этому феномену не находят.

Перечень подобных вопросов можно было бы продолжить, но и изложенное позволяет утверждать, что теория уголовного права нуждается в поиске концепции, которая могла бы дать объяснение этим и другим уголовно-правовым явлениям, а в последующем и сформулировать рекомендации по их отражению в нормах уголовного права. Это особенно важно сейчас, так как «время ставит вопрос о широком выходе общественных наук на конкретные нужды практики, требует, чтобы ученые-обществоведы чутко реагировали на происходящие перемены в жизни, держали в поле зрения новые явления, делали выводы, способные верно ориентировать практику»³.

В качестве варианта мы ставим на обсуждение концепцию множественности, которая позволяет решить ряд спорных вопросов конструирования и применения уголовного закона. Нам представляется, что в теоретическом плане множественность в уголовном праве предстает в виде сквозного явления, проходящего через все учение о преступлении. Категория множества в диалектическом материализме характеризуется как совокупность предметов, явлений, объединенных определенными общими свойствами. Эти общие свойства могут быть присущи всем уголовно-правовым явлениям, входящим в множественность, либо цементировать по определенным признакам конкретные группировки, характеризующиеся однородными свойствами.

Если в целом множественность в уголовном праве можно определить как стечение нескольких уголовно-правовых явлений, в результате которого (именно стечения) возникают типизированные уголовно-правовые последствия, то варианты множественности и возникающие в зависимости от них строго определенные уголовно-пра-

новые последствия могут, в свою очередь, поддаваться определенной классификации на формы, а каждая из форм — на виды. Действующее уголовное законодательство, как нам представляется, позволяет выделить две формы множественности: множественность преступлений и множественность участников одного преступления. Первая форма общепризнана и активно исследуется в теории, вторая — ждет своего изучения.

Множественность преступлений. Под этой формой в литературе обычно понимается стечение нескольких правонарушений, предусмотренных уголовным законом, в поведении одного и того же лица. При этом каждый из актов общественно опасного поведения должен представлять собой самостоятельный состав преступления и сохранять свою юридическую значимость, то есть за каждое из деяний, охватываемых понятием множественности, может быть назначено уголовное наказание или, по крайней мере, при назначении наказания за новое преступление может быть учтена судимость за предыдущее.

Составы преступлений, образующих эту форму множественности, могут совпадать по своим признакам, отличаться друг от друга по объекту, объективным и субъективным признакам. Однако субъект преступления во всех случаях выступает тем началом, которое объединяет все эти преступления в одну форму.

Видами множественности по действующему уголовному законодательству являются повторность, рецидив и совокупность преступлений. В границах множественности эти ее виды имеют сходную социально-правовую природу, и по этой причине многие однородные свойства перечисленных правовых элементов данной формы проявились лишь в результате комплексного изучения. Дальнейшая теоретическая проработка проблем множественности преступлений позволила прийти к выводу о целесообразности их единого законодательного регулирования в рамках специального раздела Общей части уголовного законодательства, что, как упоминалось выше, уже нашло реализацию в уголовном законодательстве социалистических государств. Этот опыт, как нам представляется, целесообразно использовать и у нас при совершенствовании Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик⁴.

Множественность участников одного преступления. Этот аспект не разработан в теории. Представляется, что множественность в уголовном праве охватывает не

только область преступления, но и касается также субъекта преступления и иных уголовно-неответственных лиц, так или иначе причастных к событию преступления и влияющих на характер и степень общественной опасности этого преступления. Под этой формой следует понимать прямо предусмотренное уголовным законом стечение нескольких физических лиц (субъектов, уголовно-неответственных лиц) в рамках одного преступления. При этом каждое такое физическое лицо обязательно должно быть причастно к одному преступлению. Проявления видов причастности могут как совпадать по своим признакам, так и отличаться по характеру поведения лица в преступлении и оценке такого поведения уголовным законом. Однако одно преступление во всех случаях выступает тем цементирующим началом, которое объединяет виды (варианты) стечения нескольких лиц — в одну форму — множественность участников одного преступления. Наряду с отмеченным надо иметь в виду, что все виды причастности, охватываемые данной формой множественности, должны сохранять свою юридическую значимость, то есть каждый из них должен вызывать реальные юридические последствия. Такие последствия влияют на содержание материального признака преступного посягательства — на его общественную опасность, учитываются при формировании основания ответственности, могут влиять на пределы ответственности. Они же отражаются на определении форм совершения посягательства в процессе конструирования уголовно-правовой нормы, воздействуют на оценку содеянного в качестве необходимого признака основного либо квалифицированного состава, влияют на определение круга субъектов посягательства, на структурные элементы объекта охраны, учитываются при определении предметного содержания вины, предопределяют форму совершения посягательства (групповые по объективной окраске совершения посягательства при отсутствии признаков соучастия), его факультативные признаки (толпа, стечение потерпевших), влияют на процесс индивидуализации наказания. Этот перечень правовых последствий, которые в том или ином сочетании могут проявиться в видах множественности участников одного преступления, далеко не исчерпывающий. Важно подчеркнуть, что каждый вид этой формы вызывает свойственные ему типизированные уголовно-правовые последствия. Следует также оговорить, что понятие множественности участников одного преступления применимо только к случаям, когда причаст-

ность нескольких лиц к одному преступлению прямо предусмотрена самим уголовным законом.

Видами данной формы множественности, при самом первом подходе, являются соучастие в преступлении, неосторожное сопричинение, групповое совершение посягательства, когда преступление совершается личными действиями субъекта ответственности с дополнительным привлечением усилий невменяемого или лица, не достигшего возраста, с достижения которого возможна уголовная ответственность.

Важно подчеркнуть, что предусмотренные уголовным законодательством разновидности множественности участников одного преступления вызывают типизированные уголовно-правовые последствия, которые вовсе не поддаются истолкованию через призму существующих теоретических представлений о соучастии в преступлении. Более того, попытки подвергать различные реальные проявления стечения нескольких физических лиц в одном преступлении «экспертизе» через призму норм института соучастия приводили и приводят исследователей к искусственному сдерживанию развития теории уголовного права в данном направлении. Длительная дискуссия о природе так называемого «неосторожного соучастия» привела, например, к тому, что теория соучастия отвергла эту концепцию как ошибочную и вместе с водой выплеснула ребенка, поскольку самостоятельная, не имеющая отношения к соучастию разновидность множественности участников одного преступления — неосторожное сопричинение одного и того же результата совместными усилиями нескольких лиц — длительное время вообще не изучалась. Лишь в последние годы появились специальные работы, исследующие эту проблему⁵.

Точно такая же участь едва не постигла идею возможности объективно группового совершения посягательства при отсутствии признаков соучастия, когда преступление совершается совместными усилиями субъекта ответственности и уголовно-неответственного лица (невменяемого, малолетнего и т.п.). Попытки соотносить эту разновидность множественности участников одного преступления с нормами института соучастия в преступлении приводили и приводят многих исследователей к ошибочному выводу о том, что господствующая ныне практика разрешения дел этой категории в судах необоснованна, поскольку противоречит содержанию ст. 17 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Исходя из этой ошибочной, на наш

взгляд, посылки, многие криминалисты и в настоящее время пытаются оспаривать обоснованность разъяснения постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании», подчеркнувшего, что «... действия лиц, организовавших изнасилование группой, следует квалифицировать по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик независимо от того, что другие участники в соответствии со ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик не были привлечены к уголовной ответственности»⁶.

Только неразработанностью проблем множественности участников одного преступления можно объяснить и затянувшийся спор о юридической природе группы, совершающей по предварительному сговору хищения. Судебная практика давно подметила особенности распределения ролей в группах такого типа. Она же, используя общее понятие хищения, толкует признаки исполнительства в этих посягательствах шире, нежели это прямо вытекает из буквального толкования признаков ст. 17 Основ. Однако бытующие среди специалистов попытки объяснить этот феномен через понятие «организованной группы» (п. 2 ст. 39 УК РСФСР) теоретически вряд ли состоятельны. Они не учитывают функциональное назначение этого правила, которое вступает в действие лишь на уровне конкретного уже совершенного преступления и не может применяться в процессе квалификации. В то же время подход к этой проблеме через концепцию множественности сразу же обнаруживает пробельность уголовного закона. В частности, отсутствие в рамках общих правил соучастия в преступлении понятия группы, а в главе Уголовного кодекса, предусматривающей состава посягательств на собственность, — специального примечания или положения, разъясняющего исключения из общего правила соучастия, фиксирующего более широкие рамки «исполнительства» преступления в хищении при заранее состоявшемся сговоре и распределении ролей.

Предпринимавшиеся попытки решать проблемы множественности участников одного преступления только через призму учения о соучастии привели к затянувшимся спорам на страницах юридической печати и по многим другим теоретически и практически важным проблемам.

Следует заметить, что многие, если не все эти вопросы, снимаются при оценке фактов стечения несколь-

ких лиц в одном преступлении через призму концепций множественности. При таком подходе оказывается, что все проявления множественности участников поддаются классификации по единому основанию — причастности физических лиц к одному преступлению. Различные уголовно-правовые последствия, порождаемые самостоятельными видами множественности участников одного преступления, которые прежде не поддавались теоретическому обоснованию через правила института соучастия, успешно решаются в плане их обоснования с использованием конструкций множественности. Более того, само соучастие в преступлении предстает в качестве структурного элемента более широкого явления института множественности, в частности, его блока, охватывающего все модификации стечения нескольких лиц в одном преступлении.

При таком подходе проясняется, что множественность в уголовном праве носит сквозной характер. Теоретически это институт учения о преступлении, в котором множественность преступных деяний образует лишь один самостоятельный блок. Другой, не менее значимый, составляет группа уголовно-правовых явлений, которые мы определили как множественность участников одного преступления⁷.

Представляется, что в уголовном законодательстве основные аспекты множественности в обеих ее формах должны получить самостоятельную правовую регламентацию не только на уровне отдельных разрозненных постановлений закона, но и в качестве самостоятельного структурного звена Общей части уголовного законодательства. Этот путь позволил бы не только снять многие спорные вопросы, но главным образом содействовал бы стабилизации практического разрешения однотипных уголовных дел этой категории.

Для этого имеются и теоретические предпосылки, поскольку множественность участников одного преступления имеет все параметры, необходимые для формирования правового института. Во-первых, причастность нескольких физических лиц к одному преступлению является типичной самостоятельной разновидностью общественно опасного поведения либо существенно влияет на него. Она объективно требует правового регулирования и поддается ему. Именно этим объясняется фактическое существование в рамках Общей и Особенной частей уголовного законодательства ряда пока еще не объединенных в общие правила постановлений, с помощью которых на законодательном уровне осуществляется борьба с со-

участием в преступлении, оценивается роль и юридическое значение в посягательстве иных типичных разновидностей прикосновенности и причастности к преступлению нескольких физических лиц.

Во-вторых, существование в рамках уголовного законодательства таких предписаний, которые в разных аспектах «фиксируют» причастность нескольких лиц к одному преступлению, является еще одним доказательством того, что эти правила должны быть систематизированы в одном правовом институте. При их формальном закреплении в правилах общего характера появились бы условия для однотипного регулирования этих вопросов на уровне всей системы уголовного законодательства, что позволило бы целенаправленно организовать борьбу средствами уголовного закона с различными типичными видами причастности нескольких лиц к одному преступлению или полно и однозначно учесть их проявления при формировании признаков основных и квалифицированных составов, при оценке опасности содеянного виновными и в других качествах. Только в этом случае удалось бы внутри предлагаемого правового института специализировать юридические нормы, разделить сферы влияния между ними с тем, чтобы каждое отдельное правило обеспечивало надежность охраны социалистических общественных отношений от конкретной разновидности типично распространенных, совместно учиняемых общественно опасных поступков людей или учитывало влияние на общественную опасность деяния иных видов причастности к преступлению нескольких физических лиц.

Множественность участников одного преступления обладает и третьим свойством, необходимым для формирования правового института. Она как совокупность правил, призванных эффективно бороться или учитывать все проявления причастности к одному преступлению нескольких лиц, могла бы занять в уголовном праве определенное место в рамках учения о преступлении. Отсутствие такой группы правил в действующей системе уголовного законодательства, на наш взгляд, существенно снижает его эффективность, поскольку большая группа общественно опасных деяний, характеризующихся возрастанием общественной опасности за счет причастности к преступлению нескольких физических лиц, выпала из поля его зрения.

Существующие ныне разрозненные постановления уголовного закона, фиксирующие различные варианты

множественности участников одного преступления, не могут урегулировать с надлежащей полнотой и всесторонностью все проявления общественно опасных посягательств с признаками причастности к преступлению нескольких физических лиц. Такая задача под силу комплексу правил, четко сочетающихся, взаимодействующих между собой, объединенных в определенное самостоятельное системное образование (институт множественности), целью которого в конечном счете является организация борьбы со всеми типично повторяющимися видами стечения нескольких физических лиц в одном преступлении и предупреждение возможности такого рода посягательств в будущем. Именно поэтому эффективность предлагаемого уголовно-правового института во многом будет зависеть не только от органического единства норм, но и в рамках такого единства — от четкого взаимодействия, разделения сфер приложения между правилами, его образующими.

Общественная опасность и множественность преступлений. Специализация правил в рамках института множественности имеет материальную основу. Она зависит от особенностей, вызывающих серьезное повышение или понижение общественной опасности конкретного типа причастности нескольких физических лиц к одному преступлению для охраняемых общественных отношений. Различная мера опасности типичных повторяющихся разновидностей такого поведения предопределяет существование общих или индивидуально определенных методов уголовно-правовой борьбы с ними, что требует конструирования ряда правил, объединенных в один правовой институт единым однородным предметом регулирования.

При этом следует исходить из того, что институт множественности — реальная теоретическая конструкция. Уголовно-правовые нормы, его составляющие, социально обусловлены. Они материализуются как реакция законодателя на потребность охраны общественных отношений в условиях ускорения социально-экономического развития страны от поступков людей, наносящих серьезный вред этим отношениям.

Законодательные органы не изобретают, а лишь познают общественную опасность таких поступков. На этой основе они дают конкретным ее проявлениям оценку как преступления либо иного правонарушения с позиции господствующих социальных ценностей.

Проводя отбор отдельных типов вредных поступков людей в целях криминализации в рамках конкретного

правового института, законодательные органы прежде всего исходят из меры общественной опасности, которая характеризует определенный тип поведения людей в обществе как абсолютно нетерпимый, требующий пресечения путем уголовно-правовых средств воздействия.

При включении различных вариантов вредных для охраняемых общественных отношений человеческих поступков в орбиту уголовного закона законодательные органы оценивают меру их общественной опасности с помощью таких реально значимых показателей, как степень вреда, причиняемого общественным отношениям; важность самих общественных отношений; глубина причиняемого или грозящего им ущерба; большая распространенность деяний; стойкая тенденция к повторению вредных поступков; возможность большей результативности определенного рода поведения людей; свойства, характеризующие лиц, осуществляющих опасные посягательства, и потерпевших; особенности факультативных признаков посягательства (способа, времени, обстановки) и др.

Изучение реальных проявлений множественности в уголовном праве показывает, что отбор их форм и видов не случаен. Он выступает в качестве адекватной реакции на определенную меру общественной опасности, присущую конкретному типу поступков людей. Так, для множественности преступных деяний как самостоятельной формы данного правового института, характерно такое сочетание критериев общественной опасности, как важность охраняемых общественных отношений, степень причиняемого им ущерба, тенденция к повторению, распространенность деяний, невозможность предотвратить вредные поступки другими средствами⁸. Именно то или иное сочетание этих критериев главным образом позволяет законодателю криминализировать деяния путем конструирования в рамках данной формы множественности ее видов: повторности, рецидива и совокупности.

При включении в орбиту уголовного закона второй формы — множественности участников одного преступления, в основном, принимаются во внимание другие реальные показатели меры общественной опасности, а именно: возможность большей результативности определенного типа поступков людей, возбуждение реального соблазна совершать такие же поступки у других лиц, явное возрастание вредоносности поступка за счет причастности к его совершению нескольких лиц или причинения вреда нескольким потерпевшим и др.

Сам учет дополнительных объективных качеств общественной опасности не является жестким, в отдельных случаях для отбора поступков в целях криминализации могут учитываться и другие показатели. Однако перечисленные выше оказываются все же основными. Например, различные виды множественности участников одного преступления вызваны к жизни типизированными объективными свойствами общественной опасности. Выделение таких видов, как соучастие в преступлении, групповое исполнительство, неосторожное сопричинение, зависит от того, объединяются ли люди для совместного причинения вреда социалистическим отношениям. Вряд ли нуждается в дополнительных доказательствах постулат, что устойчивая группа, занимающаяся вредной для общества деятельностью, несет больший потенциал опасности и вредности для господствующих в обществе отношений, нежели аналогичное поведение разрозненных лиц. На мере опасности отражаются особенности взаимосвязи между участниками группы, реальное воздействие со стороны одних участников на других, причинение или угроза причинения вреда нескольким потерпевшим. Мера опасности, несомненно, зависит от того, осознана ли инициатива по причинению вреда объективно совместными усилиями нескольких лиц, или же, напротив, охраняемые отношения затронуты в результате совместной неосмотрительности.

Отмеченные положения позволяют сделать вывод, что механизм образования и учета собственных показателей общественной опасности различных форм и видов множественности сложен. Применительно к определенному типу человеческих поступков общественная опасность формируется в результате сочетания ряда показателей существенности вреда, грозящего или причиняемого социалистическим общественным отношениям. Их типичный комплекс и дает возможность, на самом общем уровне анализа, решить вопрос законодательным органам, достиг ли заряд опасности такой меры, чтобы попасть в орбиту регулирования уголовным законом, а следовательно, отграничить сферу уголовно-регулируемых явлений от сферы непреступного поведения. Он же позволяет выделить две самостоятельные формы множественности (множественность преступлений и множественность участников одного преступления), а в их рамках — два самостоятельных ряда видов множественности: 1) повторность, рецидив, совокупность; 2) со-

участие, групповое исполнение преступления, неосторожное сопричинение.

Иными словами, можно утверждать, что само выделение института множественности в уголовном праве выступает в качестве реакции законодательных органов на реальную меру опасности типичных поступков людей, которая требует адекватного воздействия средствами уголовного закона.

В действующем советском уголовном законодательстве нормы, так или иначе регламентирующие различные аспекты множественности в двух ее формах, пока не объединены в самостоятельный комплекс. Однако в целях создания теоретических предпосылок для дальнейшего совершенствования уголовного законодательства, а также в целях более глубокого уяснения содержания существующих норм и обеспечения единообразного решения вопросов на практике следовало бы выделить все формы и виды множественности в особый уголовно-правовой институт, который объединит как множественность преступлений, так и множественность участников его.

Глава II. МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Необходимость выделения и изучения вопросов, относящихся к множественности преступлений, в самостоятельную форму правового института множественности в уголовном праве обусловлена тем, что при множественности преступлений в поведении одного субъекта другой, нежели при совершении им единичного преступного акта, должна быть оценка характера общественной опасности поведения субъекта и его личности, иной должна быть юридическая квалификация совершенного; определенными особенностями должно характеризоваться назначение наказания (тяжесть, порядок назначения и отбытия и пр.)¹.

В практическом применении уголовного закона вопросы отграничения множественности от единых преступлений достаточно сложны. Это нередко вызывает трудности, а порой и ошибки, выражающиеся в необоснованной квалификации и необоснованном назначении наказания.

Под единым преступлением следует понимать такие общественно опасные действия, которые, будучи тесно связаны между собой внутренне (с точки зрения мотивов и целей субъектов), сравнительно часто, именно в таком сочетании, встречаются в жизни и в силу этой типичной объективной и субъективной их взаимосвязанности выделяются законом в один состав преступления.

В отличие от единого преступления множественность преступлений — это совершение одним и тем же лицом нескольких правонарушений, каждое из которых расценивается уголовным законом как самостоятельное.

При множественности преступлений в поведении одного и того же лица могут быть усмотрены как одинаковые, так и различные преступления. Это вызывает различную оценку совершенных деяний. В одних случаях все совершенное лицом квалифицируется по одной статье Уголовного кодекса (например, при повторности), в других — по нескольким (например, при совокупности преступлений). Кроме того, множественность преступлений может отразиться на порядке назначения и условиях отбывания наказания (например, при рецидиве).

Множественность как юридическое понятие обычно свидетельствует о наличии достаточно устойчивых антиобщественных навыков у лица, о серьезном возрастании общественной опасности личности виновного. Она может служить также показателем возрастания объема вреда, причиняемого объекту охраны. С юридической стороны множественность преступлений характеризуется тремя обязательными признаками: 1) каждое из двух или более правонарушений, образующих множественность, должно представлять собой только преступление; 2) любое из этих правонарушений должно быть по закону самостоятельным составом преступления; 3) каждое из правонарушений, охватываемых правовым понятием множественности, должно сохранять свою юридическую значимость, т.е. не утрачивать правовых последствий их совершения на момент рассмотрения дела в суде.

Для **первого** признака множественности преступлений характерно то, что каждый из актов общественно опасного поведения должен быть именно преступлением. Это означает, что нет множественности в составах, образуемых сочетанием нескольких административно наказуемых правонарушений, когда сочетание двух или более таких правонарушений создает по закону преступление. Например, единичный акт занятия запрещенными видами индивидуальной трудовой деятельности (если иное не

оговорено законом) не является преступлением, а представляет собой административное правонарушение. Такое же повторное действие, совершенное после наложения административного взыскания, рассматривается уже как преступление, квалифицируемое по ч. 1 ст. 162 УК РСФСР.

Напомним, что законодатель пользуется подобным приемом достаточно часто (ст. 154¹ — скупка в государственных или кооперативных магазинах хлеба и других пищевых продуктов для скормливания скоту и птице; ст. 156¹ — нарушение правил торговли спиртными напитками; ст. 156⁴ — незаконный отпуск бензина или других горюче-смазочных материалов; ст. 166 — незаконная охота; ст. 94¹ — самовольное использование транспортных средств, машин либо механизмов; ст. 94² — нарушение правил пользования энергией или газом в быту; ст. 162¹ УК РСФСР — уклонение от подачи декларации о доходах). В отдельных случаях УК РСФСР, например, связывает наличие признаков преступления с более интенсивными формами предпреступного поведения, а именно: с двухкратным административным взысканием (ч. 4 ст. 154 — спекуляция; ст. 198 — нарушение правил паспортной системы; ст. 198² — злостное нарушение правил административного надзора).

Во всех случаях, когда повторное действие, совершенное после административного взыскания, влечет его юридическую оценку в качестве преступления, само административное взыскание не должно быть погашено в порядке ст. 39 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях либо не должно быть отменено в порядке, предусмотренном ст. 273 того же Кодекса.

Напротив, совершение лицом дважды кражи государственного или общественного имущества (ч. 2 ст. 89 УК РСФСР) образует множественность преступлений, ибо каждый из этих актов представляет самостоятельное преступление.

Отличительной чертой **второго** признака выступает то, что каждое из деяний, охватываемых понятием множественности, должно образовать самостоятельный состав преступления. Это означает, что каждое из таких деяний обладает известной самостоятельностью и может выступать в качестве основания уголовной ответственности.

Данный признак позволяет четко разграничить множественность преступлений от единичного преступ-

ления и, в частности, таких его разновидностей, как продолжаемые, длящиеся и составные.

Перечисленные разновидности также могут слагаться из нескольких актов, однако в силу устойчивости внутренней, субъективной связи между этими актами, такое поведение рассматривается законодателем не как ряд преступлений, а как одно единое, хотя и сложное.

Поэтому можно утверждать, что продолжаемые, длящиеся и составные преступления характеризуются такой тесной юридической общностью объективных и субъективных признаков, которая позволяет законодателю объединить каждое из них в один состав, описанный в конкретной статье или части статьи Уголовного кодекса.

Как показывают специальные обобщения практики судов, правильная квалификация множественности преступлений довольно часто вызывает серьезные затруднения из-за отсутствия четкого отграничения от единичных продолжаемых, длящихся и составных преступлений. По этой причине обеспечение практических работников однозначными рекомендациями по применению уголовного закона, несомненно, положительно скажется на качестве разрешения уголовных дел данной категории.

Продолжаемым признается такое преступление, которое слагается из ряда тождественных преступных действий, охватываемых единым умыслом и направленных к общей цели². Однородные действия, составляющие его, посягают на один и тот же объект и охватываются одним умыслом.

Продолжаемым преступлением является, например, хищение имущества частями из одного источника за сравнительно короткий отрезок времени и причинение ущерба одному и тому же виду собственности. Особенность продолжаемого преступления состоит, во-первых, в том, что все акты, из которых оно слагается, должны быть юридически тождественными даже при их фактической неоднородности (например, хищение различными, но сходными в рамках одной формы способами); во-вторых, каждый из этих актов (действий) по своим свойствам обладает признаками самостоятельного преступления; в-третьих, отдельные эпизоды, несмотря на это, должны оцениваться как части одного преступления, так как они охватываются одним (единым) замыслом преступника. Это обычно проявляется в наличии одной и той же формы вины, одинаковых мотивов и единой цели деятельности субъекта. В-четвертых, для продолжа-

емого преступления характерно, что виновный еще не привлекался к уголовной ответственности за какие-либо эпизоды, образующие такое преступление. Это понятие применительно к посягательствам на собственность уточнено постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» с изменениями, внесенными его же постановлением от 21 сентября 1977 г. Пленум указал, что им следует считать «... неоднократное незаконное безвозмездное изъятие государственного или общественного имущества, складывающееся из ряда тождественных преступных действий, имеющих общую цель незаконного завладения государственным или общественным имуществом, которые охватываются единым умыслом виновного и составляют в своей совокупности одно преступление»³.

Длящимся называется такое преступление, которое, начавшись с какого-либо действия или бездействия, осуществляется затем непрерывно в форме бездействия в течение некоторого, иногда довольно значительного, отрезка времени.

Длящимся оно становится в силу того, что характеризуется непрерывным осуществлением деяния, охватываемого признаками конкретного состава преступления. Оно может выражаться, например, в самовольной отлучке (ст. 245 УК РСФСР); недонесении о преступлениях (ст. ст. 88¹, 190 УК РСФСР), дезертирстве (ст. 247 УК РСФСР). Длящимися все перечисленные преступления становятся не в результате первоначального акта общественно опасного поведения (действия или бездействия), а в результате последующего бездействия, связанного с невыполнением в течение более или менее длительного времени каких-либо, предусмотренных законом, обязанностей.

Иными словами, длящееся преступление — это действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом⁴.

Для эффективной борьбы с длящимися и продолжаемыми преступлениями и в целях обеспечения единства практики разрешения в судах дел этой категории целесообразно предусмотреть понятие длящихся и продолжаемых преступлений непосредственно в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Составное (сложное) преступление возникает в силу сочетания двух взаимосвязанных разнородных деяний,

каждое из которых по уголовному законодательству может рассматриваться как самостоятельное преступление. Такие деяния объединяются законодателем в одно преступление, влекущее, как правило, повышенную ответственность лишь в тех случаях, когда они составляют единый взаимосвязанный комплекс, который получил в жизни сравнительно широкое распространение. Примером составного преступления служит состав разбоя (ст. ст. 91, 146 УК РСФСР). Оно слагается из двух посягательств, одно из которых направлено против собственности, а второе — против личности. Объединение их в рамках одного состава вызвано реакцией законодателя на типичный вариант их сочетания в реальной действительности.

Нечеткое представление о признаках составного преступления приводит к судебным ошибкам. Например, народным судом К. был осужден по совокупности преступлений, предусмотренных п.п. «а», «в» ч. 2 ст. 146 и ч. 1 ст. 108 УК. По данному делу было установлено, что К. и Н. совместно напали на потерпевшего. В ходе посягательства К. ударил его камнем по голове и причинил тяжкое телесное повреждение.

Исключив из приговора осуждение К. по ч. 1 ст. 108 УК, судебная коллегия по уголовным делам в кассационном определении указала, что причинение потерпевшему тяжкого телесного повреждения является одним из признаков квалифицированного состава разбоя, и по этой причине самостоятельной квалификации действий осужденного в этой части не требуется⁵.

Единичное, хотя бы даже и осложненное преступление, в отличие от множественности, характеризуется тем, что все акты общественно опасного поведения в его границах расцениваются уголовным законом как составляющие части одного преступления. Иначе оценивается все содеянное в рамках множественности преступлений. Здесь каждый акт общественно опасного поведения субъекта принимается в расчет законодателем как поступок, образующий особый, самостоятельный состав, требующий самостоятельной, особой уголовно-правовой оценки.

Третий признак множественности преступлений характеризуется тем, что каждое из правонарушений, охватываемых ею, должно сохранять способность вызывать правовые последствия на момент рассмотрения дела в суде. Оно, следовательно, должно быть либо самостоятельным основанием уголовной ответственности, либо

по прямому предписанию закона должно сохранять способность оказывать существенное влияние на характер и размер избираемого наказания. Если, например, в силу амнистии, помилования, истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности за предыдущие преступления такая возможность исключается, множественность преступлений как особое уголовно-правовое явление будет отсутствовать.

Множественность преступлений возникает при совершении разнородных, однородных, а в отдельных случаях и тождественных преступлений. Факт совершения всех этих типов сочетания преступлений влияет на формирование видов множественности.

Разнородными являются преступления, различающиеся между собой по существенным юридическим признакам.

Однородными признаются преступления с тождественными или сходными объектами посягательства и одной формой вины, но различающиеся по объективной стороне, мотивам и целям деяния. Например, однородными следует считать кражу социалистического (ст. 89 УК РСФСР) и личного (ст. 144 УК РСФСР) имущества.

Тождественными будут также преступления, которые полностью совпадают по важнейшим, наиболее существенным юридическим признакам основного или квалифицированного состава. Это означает, что тождественные деяния имеют одинаковые объекты посягательства, юридически одинаковые способы посягательства, тождество форм вины и субъекта. Например, тождественными следует считать тайное изъятие государственного имущества (кражу) и такое же хищение, совершенное с проникновением в помещение или иное хранилище. То же обстоятельство, что одно из этих преступлений совершено с проникновением в помещение или иное хранилище, не меняет тождества этих преступлений, так как в обоих случаях способ совершения преступления (тайное изъятие) одинаков, совпадают и иные важнейшие юридические признаки содеянного.

Виды множественности преступлений и их юридическое значение. Согласно действующему уголовному законодательству видами множественности преступлений являются: повторность, рецидив и совокупность.

При повторности и рецидиве содеянное квалифицируется по одной статье (части статьи) Уголовного кодекса, при совокупности — по двум или более. В отдельных случаях в поведении субъекта могут одновременно усматри-

ваться признаки повторности, рецидива и совокупности.

Повторность — образуется сочетанием тождественных (а в случаях, прямо предусмотренных в Особенной части Уголовного кодекса, также и однородных) преступлений при условии, что последующие преступные акты были совершены лицом до осуждения за первое⁶.

В тех случаях, когда лицо совершает тождественные преступления, все содеянное квалифицируется по одной статье Уголовного кодекса. Например, две юридически тождественные простые кражи государственного имущества квалифицируются как одна повторная (ч. 2 ст. 89 УК РСФСР).

Когда лицо совершает однородные преступления, содеянное образует одновременно повторность и совокупность преступлений. Например, если после кражи государственного имущества совершается грабеж, то содеянное надлежит квалифицировать по совокупности ст. ст. 89 и 90 УК РСФСР, при этом второе преступление признается повторным (ч. 2 ст. 90 УК РСФСР).

Повторность по действующему законодательству имеет существенное юридическое значение. Во-первых, влияет на квалификацию деяния. В этом качестве она может быть квалифицирующим обстоятельством и выражаться в виде нового (квалифицированного) состава преступления. Такая повторность предусмотрена в ряде статей Особенной части Уголовного кодекса (ч. 2 ст. 89, ч. 2 ст. 90, ч. 2 ст. 92 УК РСФСР и др.).

В случаях, прямо предусмотренных Уголовным кодексом, роль квалифицирующего обстоятельства могут выполнять сочетания не только тождественных, но и однородных преступлений (см. примечание к ст. ст. 89, 144 УК РСФСР).

По действующему уголовному законодательству повторность в качестве квалифицирующего обстоятельства предусмотрена в случаях повторения корыстных (ч. 2 ст. 89 — кража, ч. 2 ст. 90 — грабеж и др.) и некоторых иных, как правило, серьезных преступлений (п. «и» ст. 102 УК — убийство; ч. 2 ст. 218¹ — хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ; ч. 2 ст. 224¹ — хищение наркотических веществ).

Во-вторых, повторность может быть отягчающим обстоятельством. Эту ее разновидность образует сочетание тождественных преступлений при условии, когда такое сочетание не является по закону признаком состава преступления. Именно эту повторность имеет в виду п 1

ст. 39 Уголовного кодекса, который к обстоятельствам, отягчающим ответственность, «относит» совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление.

Повторность как отягчающее обстоятельство учитывается при назначении наказания в рамках санкции соответствующей статьи. Она не может влиять на квалификацию преступлений. Например, мы имеем дело с общей повторностью, если виновный после злоупотребления властью или служебным положением (ст. 170 УК РСФСР) вновь совершил такие же действия и предстал перед судом одновременно за оба преступных акта. В данном случае факт совершения вторично такого же (тождественного) преступления учитывается в качестве отягчающего обстоятельства, а более строгое наказание назначается в рамках санкции ст. 170 УК. Квалифицировать содеянное виновным дважды по этой статье не требуется. Совершенное лицом в подобных случаях всегда квалифицируется только по статье, предусматривающей основной состав преступления, если, конечно, не усматриваются признаки какого-либо квалифицирующего обстоятельства.

Следует иметь в виду, что повторность, специально учтенная в законе в качестве признака состава преступления (например, ч. 2 ст. 156³ УК РСФСР — повторное нарушение правил торговли), не может одновременно приниматься во внимание в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность (ч. 1 ст. 39 УК РСФСР). Во всех подобных случаях повышенная общественная опасность субъекта и содеянного в целом находят отражение в установлении более суровой санкции соответствующей статьи Уголовного кодекса. Так, в приведенном выше примере ч. 1 ст. 156³ УК РСФСР предусматривает наказание в виде исправительных работ на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в торговых предприятиях (организациях) и на предприятиях (в организациях) общественного питания либо без такового или штрафом до ста рублей.

Повторное же нарушение правил торговли (ч. 2 ст. 156³ УК РСФСР) — влечет наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или штраф до трехсот рублей, а при наличии корыстной заинтересованности — штраф до пятисот рублей.

Данный вопрос нашел разъяснение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 июня 1976 г.

«О практике применения судами законодательства о борьбе с рецидивной преступностью», в котором специально подчеркнуто, что в этих случаях, когда ранее совершенное преступление предусмотрено законом в качестве квалифицирующего признака повторного преступления, повторность не может одновременно признаваться отягчающим ответственность обстоятельством.

Рассмотренные виды повторности имеют некоторое сходство с продолжаемыми преступлениями, в связи с чем на практике возникает необходимость в их разграничении. Четкое разграничение продолжаемого преступления и преступления, совершенного с признаками повторности, имеет серьезный практический смысл. Продолжаемое преступление как разновидность единого преступления всегда, при прочих равных условиях, менее опасно, нежели повторность преступлений. Данное отличие влечет за собой разницу в квалификации и в назначении наказания. Подчеркнем особенности этого различия. В продолжаемом преступлении умысел субъекта сразу же охватывает все эпизоды деяния, а причинение каждым эпизодом того или иного ущерба является по замыслу субъекта лишь частью единого конечного результата.

В противоположность этому при совершении повторных преступлений умысел на совершение каждого из них формируется самостоятельно. При совершении первого преступления субъект не ставит перед собой конкретной цели совершать и в последующем такие же действия. Из этого со всей определенностью следует, что одно и то же преступление нельзя признавать одновременно и повторным, и продолжаемым.

Всегда сложно разграничивать повторные и продолжаемые преступления в случаях, когда в конкретной статье Уголовного кодекса в качестве одного из квалифицирующих обстоятельств предусмотрена повторность и, вместе с тем, преступление по своей природе может иметь форму продолжаемого. Чаще всего такого рода сложности возникают в хищениях социалистического имущества. Для точной юридической оценки содеянного в подобных случаях важно установить предметное содержание умысла и целей субъекта, совершающего преступление. Если, например, субъект имел намерение похитить имущество определенной стоимости или строго определенную сумму денег, наметив для этого какой-либо способ, то, хотя бы завладение указанными ценностями проводилось в несколько приемов, содеянное следует

квалифицировать лишь как одно продолжаемое хищение (одно преступление). При этом, если виновный не успел выполнить задуманного полностью (например, осуществил три эпизода из четырех, им ранее задуманных), содеянное должно квалифицироваться по правилам неоконченного преступления. Здесь следует лишь учитывать, что уголовный закон определяет квалификацию хищений и в зависимости от их размеров, поэтому в случаях, когда совершенными субъектом преступными актами уже похищена сумма, характерная, например, для крупного хищения, то независимо от того, завершилась ли задуманная субъектом преступная деятельность полностью, все содеянное им следует квалифицировать как оконченное крупное хищение

Преступление нельзя квалифицировать как повторное, если ранее совершенное деяние утратило свои правовые последствия: судимость за предыдущее посягательство погашена (ст. 57 УК РСФСР) или снята в порядке амнистии или помилования либо к моменту совершения нового преступления уже истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности за предыдущее посягательство (ст. 48 УК РСФСР)

Так, например, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР оставила без изменения приговор, в соответствии с которым Б. была осуждена по ч. 2 ст. 154 УК РСФСР. Она была признана виновной в том, что в Астрахани скупила для перепродажи с целью наживы 30 кг свежей рыбы по 87 коп. за 1 кг и 25 марта 1983 г. перепродала на рынке в Аргуне 25 кг по цене 2 руб. 50 коп. При задержании у нее было обнаружено еще 5 кг свежей рыбы. Предполагаемая выгода составила 48 руб. 90 коп. Эти действия Б. были квалифицированы по признаку неоднократности по ч. 2 ст. 154 УК РСФСР.

Заместитель Председателя Верховного Суда РСФСР внес в Президиум Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР протест об изменении квалификации действий Б. по ч. 1 ст. 154 УК. Президиум протест удовлетворил, указав следующее.

Правильно установив фактические обстоятельства по делу, народный суд и судебная коллегия Верховного Суда Чечено-Ингушской АССР ошибочно квалифицировали содеянное Бидаевой по ч. 2 ст. 154 УК по признаку неоднократности. Б. ранее привлекалась к уголовной ответственности за спекуляцию маргарином, но 3 января 1983 г. уголовное дело было прекращено на основании

Указа Президиума Верховного Совета СССР в связи с 60-летием образования Союза Советских Социалистических Республик.

Преступление, за которое лицо не понесло наказания в силу прекращения дела по акту об амнистии, не может учитываться при квалификации аналогичных действий этого лица, совершенных после амнистии, чего не учли органы предварительного следствия и суд. По этому делу было подчеркнуто, что если уголовное дело прекращено в силу акта об амнистии, то совершенное аналогичное преступление после амнистии не образует неоднократности или повторности⁷.

Оценивая в целом практику использования повторности как вида множественности при конструировании уголовного законодательства, нельзя не заметить устойчивой тенденции включения новых составов, предусматривающих квалифицирующий признак повторности (ст. ст. 115, 158, 212¹ УК РСФСР и др.). Вместе с тем законодательные органы не всегда учитывают криминологическую реальность. На практике, например, достаточно широко распространены факты повторных телесных повреждений, угрозы убийством, оскорбления, клеветы. Однако они не нашли отражения в конструкциях соответствующих составов, что следует расценивать, на наш взгляд, в качестве пробела в уголовном законодательстве.

Рецидив как вид множественности преступлений характеризуется тем, что лицо, отбывающее или отбывшее уголовное наказание за ранее совершенное преступление, при наличии у него судимости совершает новое.

Факт совершения лицом нового преступления после применения к нему мер уголовно-правового воздействия влечет серьезное возрастание общественной опасности личности преступника и, как следствие, соответствующую реакцию в виде возможности назначения более суровых мер уголовного наказания и особо строгих условий его исполнения.

Рецидив как проявление множественности преступлений делится на несколько видов, каждый из которых имеет самостоятельное юридическое значение (общий, специальный и особо опасный).

Общий рецидив образует совершение нового нетождественного преступления лицом, ранее осужденным за какое-либо преступление. Например, лицо, отбыв меру наказания за хулиганство и имея за него судимость, вновь совершает хищение. Общий рецидив может воз-

никать при совершении любых преступлений в самом различном их сочетании, в том числе и преступлений, совершаемых с различными формами вины.

Юридическое значение общего рецидива по закону проявляется в том, что он признается обстоятельством, отягчающим ответственность лица (п. 1 ст. 39 УК РСФСР).

В случаях неполного отбытия наказания за первое преступление рецидив порождает особый порядок назначения наказания, который специально предусмотрен ст. 41 УК РСФСР. Этот особый порядок назначения наказания проявляется, в частности, в том, что при определении окончательной меры применяется принцип полного или частичного сложения наказаний, назначенных за каждое из преступлений.

Кроме того, общий рецидив, как правило, влечет особый порядок отбытия наказания, выражающийся в более суровых условиях его исполнения. В соответствии с уголовным законом (ст. 24 УК РСФСР) отбывание наказания лицом, ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы и вновь осуждаемым к лишению свободы, назначается в колониях строгого режима.

Специальный рецидив характеризуется тем, что лицо после осуждения за первое преступление совершает тождественное или в случаях, специально предусмотренных уголовным законом, однородное преступление (например, после осуждения за получение взятки лицо вновь получает взятку). Специальный рецидив, как правило, свидетельствует о повышенной общественной опасности лица, так как, по сравнению с общим, служит показателем более устойчивой антиобщественной направленности личности, вызывающей в соответствующих условиях преступные действия одного и того же вида.

Юридическое значение специального рецидива заключается в том, что он, во-первых, в случаях, указанных в законе, выступает как квалифицирующее обстоятельство. Например, обман покупателей и заказчиков, совершенный лицом, имеющим судимость за это преступление, влечет квалификацию действий виновного по ч. 2, а не по ч. 1 ст. 156 УК РСФСР. Во-вторых, если о специальном рецидиве не упоминается в диспозиции, он имеет значение лишь отягчающего обстоятельства в рамках санкции соответствующей статьи, например, судимость за халатность у лица, вновь привлекаемого к ответственности за такое же преступление. В-третьих, специальный рецидив, как и общий, когда за первое преступление на-

казание полностью не отбыто, порождает более строгий порядок назначения наказания, специально предусмотренный ст. 41 УК РСФСР. В-четвертых, также как и общий рецидив, специальный порождает более тяжкие условия отбытия наказания.

Особо опасный рецидив примыкает к специальному. Особо опасный рецидив, как и всякий рецидив, предполагает предварительное осуждение лица за ранее совершенное преступление. Вместе с тем он обладает рядом дополнительных признаков, а именно: высокой общественной опасностью преступлений, образующих данное понятие; определенным числом совершенных преступлений; характером наказания, примененного как за предыдущее, так и за вновь совершенное преступление; фактом совершения всех учитываемых для его наличия преступлений в совершеннолетнем возрасте.

Особо опасный рецидив характеризуется тем, что лицо, осужденное к лишению свободы за одно или несколько преступлений, прямо предусмотренных п.п. 1—4 ст. 24¹ УК РСФСР (п.п. 1—4 ст. 23¹ Основ), вновь совершает одно из упомянутых в этих пунктах умышленное преступление, за которое осуждается к лишению свободы на определенный законом (п.п. 1, 2, 4) или любой (п. 3) срок.

В соответствии с законом суд, рассматривая вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом, учитывает личность виновного, степень общественной опасности совершенных преступлений, их мотивы, степень осуществления преступных намерений, степень и характер участия в совершении преступления и другие обстоятельства дела. Такое признание является правом, а не обязанностью суда. Для признания виновного особо опасным рецидивистом необходимо наличие у него предусмотренных законом (ст. 24¹ УК РСФСР) судимостей (от 2 до 4) при условии осуждения за эти преступления к лишению свободы. Чем опаснее преступление, тем меньше таких преступлений необходимо для признания лица особо опасным рецидивистом.

Юридические последствия признания лица особо опасным рецидивистом.

Во-первых, в случаях, прямо предусмотренных уголовным законом, особо опасный рецидив учитывается в качестве признака квалифицированных составов. Например, кража, совершенная особо опасным рецидивистом, независимо от других признаков содеянного, квалифицируется по ч. 4 ст. 89 УК РСФСР, санкция которой преду-

смачивает возможность назначения виновному лишения свободы на срок от пяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества.

Во-вторых, признание лица особо опасным рецидивистом влечет особый порядок назначения наказания, по правилам, предусмотренным ст. 41 УК РСФСР.

В-третьих, наказание в виде лишения свободы может быть назначено особо опасным рецидивистам сроком до пятнадцати лет.

В-четвертых, влечет особый порядок отбытия наказания. В соответствии со ст. 24 УК РСФСР лица, признанные особо опасными рецидивистами, отбывают наказание в колониях особого режима.

В-пятых, к особо опасному рецидивисту в соответствии с п. 1 ст. 53¹ УК РСФСР не применяются условно-досрочное освобождение от наказания и замена наказания более мягким, а также условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду.

Имеются и другие последствия.

В соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 26 июня 1976 г. «О практике применения судами законодательства о борьбе с рецидивной преступностью», решая вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом, при наличии условий, предусмотренных ст. 24¹ УК РСФСР, судам «следует исходить из того, что по смыслу закона особо опасными рецидивистами признаются лишь злостные преступники, представляющие повышенную опасность для общества и упорно не желающие встать на путь исправления»⁸.

В целях повышения эффективности уголовного законодательства и обеспечения единства практики его применения к лицам, совершающим после осуждения новые преступления, целесообразно, на наш взгляд, дополнить Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик понятием опасного рецидивиста, которым следовало бы определить признаки данного явления и жесткий перечень правовых последствий, которые следуют за признанием лица таковым. Представляется, что такое понятие можно сконструировать за счет некоторого сужения границ ныне действующей ст. 23¹ Основ, вычленив из нее все составы, не относящиеся к категории тяжких преступлений.

Представляется также весьма неудачной конструкция ст. 23¹ Основ. Громоздкий перечень составов затрудняет уяснение смысла закона и порождает ошибки на прак-

тике. Язык закона отличается от языка инструкции. Поэтому для обеспечения ясности и лаконичности закона целесообразно отказаться от перечней преступлений, заменив их терминами, применяемыми при классификации преступлений на виды в зависимости от их тяжести.

В последующем при конструировании уголовных кодексов союзных республик необходимо обеспечить учет фактов совершения преступлений рецидивистами в соответствии со сложившейся криминологической ситуацией. Представляется, например, настоятельной необходимостью однозначного определения перечня составов, в которых предусматривается факт совершения основного либо квалифицированного состава опасными и особо опасными рецидивистами.

Совокупность преступлений — следующий вид множественности преступлений.

Под совокупностью преступлений понимается одновременное или последовательное совершение одним лицом нескольких однородных или разнородных преступных деяний при условии, что ни по одному из них не был вынесен приговор. При совокупности субъект совершает несколько самостоятельных преступлений, каждое из которых обладает особыми (своими) юридическими признаками, что в конечном счете влечет квалификацию содеянного по нескольким самостоятельным статьям Уголовного кодекса одновременно.

По этой причине на практике с полным основанием квалифицируют как совокупность преступлений случаи, когда одно из преступлений было оконченным, а второе — нет, а также факты, когда в одном преступлении виновный выступал в роли исполнителя, а в другом — организатором, подстрекателем или пособником. В судебной практике совокупностью преступлений признается также совершение в разное время двух и более преступлений, предусмотренных разными частями одной и той же статьи⁹. Такое решение соответствует ст. ст. 314, 315 УПК РСФСР, в соответствии с которыми суд в приговоре обязан описать каждое установленное им преступление и указать закон, по которому подсудимый признан виновным.

Важным признаком совокупности является то, что виновный еще не был осужден ни за одно из совершенных преступлений. Это сближает совокупность с повторностью, но отличает ее от рецидива. В то же время в отличие от повторности совокупность не может быть образована сочетанием тождественных преступлений; ее могут

образовывать лишь однородные и разнородные преступления. Например, если субъект совершил кражу государственного или общественного имущества (ч. 1 ст. 89 УК), а затем еще одно аналогичное преступление, все содеянное будет квалифицироваться как повторная кража (ч. 2 ст. 89 УК). Совокупность, напротив, будет налицо, если виновный после кражи совершит спекуляцию или хулиганство.

При совокупности преступлений все преступные деяния должны быть совершены виновным до вступления приговора в силу за любое из них. В противном случае речь может идти лишь о рецидиве, который влечет иные, нежели при совокупности, правовые последствия.

Теория уголовного права и судебная практика различают два вида совокупности преступлений — реальную и идеальную.

Совокупность признается **идеальной**, когда субъект одним действием выполняет два самостоятельных состава преступлений. Например, должностное лицо, используя должностное положение, незаконно отпускает кому-либо дефицитные товары для спекуляции. В этом случае оно подлежит ответственности за злоупотребление служебным положением (ст. 170 УК) и соучастие в спекуляции (ст. ст. 17 и 154 УК). Идеальную совокупность в случаях так называемого отклонения действия может образовать сочетание умышленного и неосторожного преступлений (например, покушение на убийство одного человека и ранение при этом по неосторожности другого).

Возможность идеальной совокупности преступлений предусмотрена постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищении государственного и общественного имущества». Так, в п. 19 подчеркивается, что «хищение государственного или общественного имущества, сопряженное с умышленным уничтожением или повреждением другого государственного или общественного имущества, если последнее содержит признаки уголовно наказуемого деяния, должно квалифицироваться по совокупности преступлений как хищение государственного или общественного имущества и умышленное уничтожение или повреждение этого имущества»¹⁰.

Совокупность именуется **реальной**, когда лицо совершает несколько последовательных посягательств, каждое из которых образует самостоятельный состав преступления. Например, должностное лицо совершает за взятку злоупотребление по службе. Другой пример: браконьер

осужден за незаконное занятие рыбным промыслом и покушение на убийство инспектора рыбнадзора, находившегося при исполнении служебных или общественных обязанностей¹¹.

Для того, чтобы содеянное было правильно квалифицировано по совокупности преступлений, необходимы следующие условия. 1) Виновный должен совершить два или более преступления, каждое из которых предусмотрено самостоятельной статьей (или частью статьи) Уголовного кодекса (например, частнопредпринимательская деятельность — ч. 1 ст. 153 УК и коммерческое посредничество — ч. 2 ст. 153 УК). 2) По каждому из этих преступлений сохраняется возможность уголовного преследования, т.е. не истекли его сроки давности, предусмотренные ст. 48 УК. 3) Одно из преступлений, совершенных виновным, не является согласно закону признаком другого преступления. Поэтому, когда оба деяния, совершенные виновным, подпадают под признаки различных уголовно-правовых норм, но одно в то же время является в силу закона способом, средством или квалифицирующим признаком другого, квалификация по совокупности исключается, здесь налицо одно единое преступление. Например, виновный совершил разбойное нападение на кассира, угрожая потерпевшему финским ножом. Формально содеянное субъектом предусмотрено двумя самостоятельными статьями: ст. 91 УК (разбой) и ч. 2 ст. 218 УК (ношение холодного оружия). Однако в таком случае квалификация по совокупности была бы излишней, так как вооруженность субъекта является по закону квалифицирующим признаком разбойного нападения. Следовательно, все содеянное виновным надлежит квалифицировать только по п. «б» ч. 2 ст. 91 УК. Другое дело, когда использованные виновным способ или средство совершения преступления не являются согласно закону обязательным признаком этого преступления и в то же время образуют состав иного преступления. В этих случаях квалификация по совокупности обязательна. Таково, например, убийство с использованием незаконно хранимого огнестрельного оружия. 4) Наконец, квалификация по совокупности исключается, если даже в содеянном содержатся признаки преступлений, предусмотренных самостоятельными статьями Уголовного кодекса, но эти преступления соотносятся между собой как общий и специальный составы. В этих случаях содеянное должно квалифицироваться лишь по одной статье, предусматривающей специальный состав.

При этом под **специальным составом** понимается такой состав, который хотя и совпадает по своим основным признакам с другим составом, охватывающим более широкий круг деяний, но выделен из него законодателем в самостоятельную норму вследствие особенностей, присущих объекту, объективной либо субъективной стороне или субъекту преступления и определяющих его существенно более высокую или низкую степень общественной опасности. Так, например, специальными составами по отношению к составу злоупотребления властью (ст. 170 УК) являются получение взятки (ст. 173 УК), привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 176 УК) и др. В случаях, когда деяние виновного содержит одновременно признаки общего и специального составов, все содеянное должно квалифицироваться не по совокупности, а лишь по одной статье, причем предпочтение всегда следует отдавать статье, предусматривающей специальный состав. Указанное правило, однако, относится лишь к случаям идеальной совокупности, при реальной же совокупности содеянное надлежит квалифицировать по нескольким статьям Уголовного кодекса.

Юридическое значение совокупности преступлений заключается в том, что ее наличие всегда свидетельствует о повышенной общественной опасности субъекта и содеянного, что влечет за собой особый порядок назначения наказания, предусмотренный ст. 40 УК. Кроме того, в отличие от повторности или рецидива, которые предполагают квалификацию лишь по одной статье Уголовного кодекса, совокупность преступлений требует нескольких статей.

В целях правильного применения закона на практике следует специально отметить, что однородные преступления, совершенные виновным, в ряде случаев образуют не только совокупность преступлений, но одновременно и их повторность. Такое положение налицо, например, при совершении ряда корыстных имущественных преступлений, перечисленных в примечаниях к ст. ст. 89, 144 УК либо упомянутых в ст. ст. 91, 96, 146 УК. Так, содеянное лицом, которое вначале покушалось на кражу личного имущества граждан, а позднее завладело государственным имуществом путем представления поддельного аккредитива (мошенничество), было правильно квалифицировано по ст. 15, ч. 1 ст. 144 УК и по ч. 2 ст. 93 УК. В данном случае суд обоснованно усмотрел в действиях виновного признаки совокупности и повтор-

ности одновременно. Совокупность преступлений следует отличать от составных (сложных) преступлений, которые представляют собой единое преступление, квалифицируемое в силу прямого указания закона лишь по одной статье Уголовного кодекса. Например, только по ст. 91 УК квалифицируется нападение с целью завладения государственным или общественным имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья лица, подвергнувшегося нападению.

На практике судебно-следственные органы испытывают затруднения при разграничении совокупности и рецидива. Критерием различия этих явлений выступает время вступления приговора в законную силу. Новое преступление, совершенное до момента вступления приговора за первое преступление в законную силу, следует оценивать как совокупность преступлений. В связи с этим мы поддерживаем предложение об уточнении редакции ст. 36 Основ уголовного законодательства указанием на то, что правила данной статьи применяются в случае совершения нового преступления после вступления приговора в законную силу¹². Здесь полезно учесть опыт уголовного законодательства НРБ, где соответствующее положение учтено в ст. ст. 23 и 27 УК.

Глава III. МНОЖЕСТВЕННОСТЬ УЧАСТНИКОВ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Соучастие в преступлении

Оценка соучастия в преступлении (ст. 17 Основ, ст. 17 УК РСФСР) в качестве одного из видов множественности участников одного преступления представляется перспективной, поскольку подобный подход позволяет предметно разграничить соучастие с иными видами стечения нескольких лиц в одном преступлении, снять многие спорные вопросы в теории, наметить пути совершенствования уголовного законодательства. При этом мы вовсе не пытаемся преуменьшить достижения теории уголовного права в области исследования соучастия. Более того, эта особенно сложная проблема на сегодня изучена весьма тщательно, и многие ее аспекты прочно утвердились в науке и практике как проработанные досконально.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что существующие положения закона, регламентирующие соучастие в пре-

ступлении, отражают уровень развития общественных отношений и достижения науки середины 50-х гг. Этот период характеризовался весьма своеобразными особенностями уголовной преступности. Постепенно она, паразитировавшая на послевоенной разрухе, теряла социальную почву. Практически, вследствие серии социальных, экономических, организационных и других мероприятий, были уничтожены преступные группировки. Весьма ослабла общественно опасная активность в сфере экономики и хозяйствования. Все это не могло не отразиться на объективных и субъективных показателях, закрепленных в нормах института соучастия в преступлении.

Изучение двадцатипятилетнего опыта применения статьи уголовного законодательства о соучастии позволяет утверждать, что в целом юридическая конструкция и техника этой нормы оказались жизнеспособными. Норма обеспечивала единообразный учет степени и характера участия субъектов в преступлении, устанавливала основание ответственности нескольких совместно действующих лиц за одно умышленное преступление.

Дальнейшее развитие теории соучастия в преступлении позволило по-новому подойти к решению ряда принципиальных вопросов либо существенно их уточнить. В частности, анализ этого явления с учетом достижений философской науки, обогатившей все области знаний системным подходом, позволил преодолеть господствовавшую в теории соучастия классификацию на формы и виды одновременно по двум направлениям — степени сплоченности соучастников и характеру их поведения¹.

Сторонники такой классификации стремились показать с той или другой стороны либо специфику проявления вовне способа взаимодействия соучастников, либо характер их совместной деятельности, либо особенности прочности субъективной связи, либо особенности отражения тех или иных проявлений соучастия в нормах Общей и Особенной частей уголовного законодательства. Действительно, при анализе каждого выделенного аспекта исследователь «оттенял» те особенности соучастия в преступлении, которые ставил своей задачей, и в этом есть несомненное позитивное значение. Необходимо лишь со всей определенностью подчеркнуть, что осуществлялась классификация не явления в целом, каждый компонент которого несет в себе все обязательные объективные и субъективные признаки анализируемого типа преступного поведения, а только тех или иных его сторон, граней,

которые сами по себе могут быть выделены в процессе теоретического анализа.

Дальнейшее развитие теории соучастия в преступлении показало, что такой подход лишен практического смысла. Ныне большинство специалистов (теоретиков и практиков) исходят из того, что соучастие следует классифицировать только на формы, каждая из которых обладает определенным сочетанием — совокупностью объективных и субъективных признаков, с наличием которых закон связывает оценку содеянного как соучастия в преступлении (ст. 17 Основ).

В этом случае классификация зависит от природы и материального содержания явления. Она отражает особенности материального свойства — характер общественной опасности того или иного типа умышленного совместного участия в преступлении нескольких лиц, а при сопоставлении — показывает различия в общественной опасности одних форм в сравнении с другими.

Основным критерием ныне признается характер участия в преступлении, что, помимо познавательного, имеет и прикладное значение. Построенная на его основе классификация позволяет конкретизировать формы соучастия в зависимости от характера общественной опасности, обнаруживать особенности общественной опасности деяний в конкретных случаях, что способствует правильному применению норм о соучастии практическими органами. Кроме того, это позволяет определить точное место тех или иных постановлений закона в системе правил соучастия в преступлении, создает предпосылки для обнаружения и восполнения пробелов уголовного законодательства.

В зависимости от характера участия в преступлении, в соответствии с содержанием действующего уголовного законодательства, соучастие ныне делят на следующие имеющие практическое значение формы: сложное соучастие, соисполнительство, преступная группа и преступная организация (или иначе: необходимое соучастие, предусмотренное нормами Особенной части)⁹.

Эта классификация соучастия является сквозной, позволяет сгруппировать все его проявления по единому основанию, в одной плоскости. Каждая из форм соучастия, в свою очередь, по другим основаниям может классифицироваться на виды, что носит вспомогательный характер и осуществляется в иных, порой различных для каждой формы, плоскостях. Задача деления на виды — отразить тот факт, что отдельные объективные или субъективные свойства деяния могут обусловить

его более или менее высокую степень опасности в сравнении с другими деяниями, входящими наряду с ним в одну и ту же форму соучастия.

Следовательно, если классификация на формы является единым стержнем, объединяющим все факты совершения преступления несколькими лицами, предусмотренные ст. 17 Основ (ст. 17 УК РСФСР), то классификация на виды отражает различные по степени общественной опасности проявления совместного совершения преступления несколькими лицами в рамках сугубо конкретной формы соучастия.

Решение вопроса о классификации соучастия, построенной в соответствии с действующим уголовным законодательством, позволило выявить его пробельность и известную несбалансированность с нынешней характеристикой преступности.

Так, правила соучастия в преступлении сориентированы главным образом на организацию уголовно-правовой борьбы с проявлениями сложного соучастия (организация преступления, подстрекательство и пособничество ему). Исследования, проведенные с начала 70-х гг., показали, что это не отвечает действительному положению дел. Закон детально регламентирует вопросы сложного соучастия, которое в преступлениях с участием нескольких лиц, по материалам изучения практики, занимает по объему менее одного процента. Остальные 99% — это групповые преступления. Однако организация борьбы с групповыми посягательствами средствами уголовного закона ныне осуществляется явно неудовлетворительно. Уголовный закон не отражает реальности преступности, не учитывает, что групповая форма в рамках соучастия стала преобладающей. Более того, отдельные проявления групповых посягательств все чаще стали характеризоваться элементами профессионализма, организованности, стремлением лиц, совершающих преступления, объединяться в устойчивые группы. Они все значимее проявляют себя в новых сферах, в частности экономической, хозяйственной. В последние годы по ряду регионов наблюдаются факты формирования преступных групп, специализирующихся на хищениях, спекуляции, взяточничестве, квартирных кражах, кражах автомобилей, похищении грузов на транспорте, распространении наркотиков и др. Эти группы нередко становятся на путь совершения многих преступлений, а участие в них нескольких лиц позволяет более тщательно маскировать преступную деятельность, что нередко затрудняет работу право-

охранительных органов по ее своевременному разоблачению и пресечению.

Обращая внимание на необходимость самой решительной борьбы с подобной формой преступности, постановление ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» вместе с тем подчеркнуло, что в ряде республик и областей, министерств и ведомств в течение длительного времени безнаказанно действовали группы расхитителей и взяточников³.

Не случайно именно такие формы опасной активности людей стали особенно нетерпимы в современных условиях. В новой редакции Программы КПСС, принятой на XXVII съезде КПСС, специально подчеркивается, что «партия придает первостепенное значение последовательному и настойчивому искоренению нарушений трудовой дисциплины, хищений и взяточничества, спекуляции и тунеядства, пьянства и хулиганства, частнособственнической психологии и стяжательства, подхалимства и угодничества. Необходимо сполна использовать для борьбы с этими явлениями авторитет общественного мнения и силу закона»⁴.

Однако сила закона, по нашему мнению, в борьбе с групповыми посягательствами в полной мере не используется, потенциальные его возможности в этой области еще не исчерпаны. Действующее уголовное законодательство не содержит признаков и не регулирует борьбу с основной, наиболее распространенной формой соучастия — групповым преступлением. В результате при практическом разрешении уголовных дел судебно-следственные органы испытывают серьезные затруднения в оценке и квалификации этого опасного деяния, поскольку его обязательные признаки как форма соучастия в законе не определены и четко не зафиксированы.

По своей природе групповое преступление — это самостоятельная форма соучастия. Признаки, характерные для соучастия в целом, лишь дополняются некоторыми особенностями, которые придают групповому преступлению качественное своеобразие. Групповое преступление характеризуется таким сочетанием показателей, при котором, наряду с общими объективными и субъективными моментами, присущими любому проявлению соучастия, налицо, во-первых, факт участия всех субъектов в совершении преступления, когда само посягательство осуществляется их объединенными, сов-

местными усилиями, причем действия, охватываемые признаками объективной стороны любого состава преступления, могут выполняться каждым участником в полном объеме либо частично. Во-вторых, каждый участник группового деяния должен сознавать, что наряду с ним в преступлении участвуют другие исполнители (соисполнители), сознавать связь их действий с собственными, что само преступление совершается совместными усилиями всех участников.

Преступление, совершенное группой лиц, обладает обязательными признаками, знание которых особенно важно для правоприменительной практики. Среди них необходимо выделить: участие в совершении преступления двух или более лиц; выполнение каждым из них деяний (в полном объеме или частично), охватываемых признаками объективной стороны состава преступления; осуществление преступления объединенными усилиями — совместно; умысел каждого из соучастников на совместное совершение действий; согласованность деяний участников группы, отражающая их взаимную осведомленность о совместном совершении преступления; наличие сговора, а по ряду составов — предварительного сговора на совершение преступления группой.

Эффективность действующих постановлений закона о соучастии, по нашему мнению, могла бы возрасти за счет включения понятия группового преступления, фиксирующего обязательные признаки этого типа опасных для общества деяний. Рабочим вариантом такого определения может быть следующее: «Групповым признается преступление, каждый участник которого умышленно, согласованно с другими, совместно, в полном объеме или частично выполняет единое для участников преступление».

Предлагаемое понятие фиксирует обязательные признаки группового посягательства. Оно позволяет провести четкий водораздел между сложным соучастием и любым конкретным проявлением группового посягательства. Это особенно важно для квалификации посягательств на социалистическую и личную собственность, ряда хозяйственных и других преступлений.

На проявление повышенной опасности групповых посягательств законодательные органы в ряде случаев реагируют включением в отдельные статьи, предусмотренные Особенной частью Уголовного кодекса, квалифицированных составов по признаку выполнения посягательства группой лиц. С момента принятия Уголовного

кодекса РСФСР количество таких составов удвоилось. Но постепенное пополнение отдельных составов путем выделения их квалифицированных видов проблему решает лишь частично, увеличивая размер санкции по ряду групповых посягательств (но не по всем).

В действующем уголовном законодательстве союзных республик, даже с учетом его реформы, факт совершения преступления группой учтен всего в двадцати составах. При устойчивой тенденции совершения многих умышленных посягательств группами такая частичная регламентация организации уголовно-правовой борьбы с групповой преступностью вряд ли правильна. Вызывает сомнение обоснованность сложившейся практики конструирования норм уголовного законодательства и по другой причине. Все групповые посягательства, в какой бы сфере опасной активности они не проявлялись, обладают, при прочих равных условиях, более высоким зарядом общественной опасности, нежели такое же преступление, выполненное одним лицом, что не может оставаться без внимания законодательных органов. Ныне сложилась такая практика, что по подавляющему большинству видов преступных посягательств групповая форма их совершения законом никак не учитывается. Это особенно отчетливо проявляется тогда, когда факт группового преступления не учтен в конкретных (основных либо квалифицированных) составах, предусмотренных Особенной частью Уголовного кодекса, а сама группа не носит организованного характера, поэтому даже в процессе индивидуализации наказания ее конкретным участникам это обстоятельство не может быть принято в качествеотягчающего (п. 2 ст. 39 УК РСФСР). Практически мы сталкиваемся с тем, что потенциальные возможности организации борьбы с групповыми посягательствами средствами уголовного закона в значительной мере не учитываются. А они могли бы быть весьма уместны против взяточничества, спекуляции, ряда хозяйственных преступлений и др.

Встречающиеся в практике групповые посягательства мало зависят от усмотрения законодательных органов. Если бы они даже отказались от учета групповых посягательств в самом законе, то в реальной действительности подобные посягательства все равно бы совершались. Настоятельные потребности борьбы с групповой преступностью ставят задачу выявления ее наиболее типичных сфер и разработки эффективных уголовно-правовых средств

Объективные показатели общественной опасности преступлений, учиняемых группой лиц, проявляются в любых случаях выполнения их несколькими лицами, независимо от того, учтены они специально или нет в конкретном постановлении уголовного закона. Действительно, если мера общественной опасности групповых посягательств, например на собственность, серьезно повышается в основном за счет специфики самого механизма причинения вреда охраняемым отношениям, то такого же рода особенности его характеризуют возрастание общественной опасности и любых иных преступлений, выполненных несколькими лицами. И в них усилиями нескольких лиц ощутимее, серьезнее затрагиваются охраняемые интересы, а следовательно, глубже ущемляются объекты охраны. Участие группы лиц во всех умышленных преступлениях при прочих равных условиях вызывает возрастание общественной опасности содеянного по сравнению с аналогичными посягательствами, выполненными одним субъектом.

Сопоставление отражения повышенной общественной опасности групповых преступлений в действующем уголовном законодательстве с фактической структурой групповой преступности позволяет утверждать, что эффективность борьбы с групповыми посягательствами уголовно-правовыми средствами в значительной мере снижается за счет того, что повышение общественной опасности групповых эксцессов, проявляющихся практически в большинстве умышленных преступлений, ныне учитывается лишь в отдельных видах преступности. Здесь несомненный пробел в уголовном законодательстве.

Отсутствие единых средств борьбы с групповой преступностью не соответствует социальным потребностям. Можно также предположить, что именно это, в ряду других причин, вызвало некоторое оживление данной формы преступности, особенно в сфере «теневого» экономики, в последние годы.

Групповые посягательства создают угрозу или связаны с фактическим причинением более серьезного вреда охраняемым интересам. Данная форма преступности достаточно широко распространена. Она составляет более пятой части всех преступлений. Поэтому логично предположить, что если в соответствующих экономических и политических условиях абсолютно нетерпимы и поставлены под уголовно-правовой запрет общественно опасные посягательства одного субъекта, то, при прочих равных условиях, посягательства, осуществляемые совместно, объединенными усилиями нескольких

лиц, несравненно более опасны и требуют законодательной реакции в форме установления единых более жестких методов борьбы с ними. Групповая форма совершения преступления — это наиболее опасная форма преступности в целом. Эффективность борьбы с ней во многом зависит от качества самого уголовного закона и отсутствия пробелов в нем, оставляющих лазейки для активизации данной разновидности преступности.

Представляется, что в рамках существующих реалий необходимо установить единый масштаб в борьбе с групповыми посягательствами. В этих целях в закон должно быть включено понятие группового преступления. Вариант для обсуждения предложен нами выше. Одновременно, в целях отражения повышенной опасности любых групповых преступлений, уголовное законодательство целесообразно дополнить указанием на то, что наказание за умышленные преступления, совершенные лицом в группе, назначается в размерах не менее половины максимальной санкции, предусмотренной уголовным законом.

Параллельно с этим для организации эффективной борьбы с наиболее распространенными групповыми посягательствами необходимо и в новых уголовных кодексах союзных республик выделять квалифицированные составы по признаку их совершения группой лиц с более жесткими персонифицированными санкциями.

Для борьбы с устойчивыми формированиями, зачатками и проявлениями организованной преступности целесообразно включить в уголовные кодексы специальный состав, учитывающий повышенную опасность организации преступной деятельности и активного в ней участия для любых видов умышленных посягательств, предусмотренных уголовным законом. Такой путь избран, например, в уголовном законодательстве ПНР и НРБ. Так, ст. 267 УК ПНР и ст. 326 УК НРБ формируют составы с самостоятельной санкцией, которые предусматривают ответственность за совершение любого преступления группой.

В целях индивидуализации ответственности отдельных участников группового фактически совершенного преступления, перечень отягчающих ответственность обстоятельств должен включать положение, предусматривающее «совершение преступления группой лиц». Решение данного вопроса зависит от позиции законодателя. Его задача заключается в том, чтобы сформулированные правила учитывали повышенную общественную опасность групповых посягательств всеобъемлюще, во всех

аспектах. Такого рода «формализация» вытекает из природы права, которая требует равных правовых масштабов, состоит в применении равной меры, гарантирующей от всяких случайностей⁵. Специального внимания в этом контексте заслуживает проблема организации уголовно-правовой борьбы с устойчивыми, или организованными группами преступников. Многочисленные публикации центральной печати по событиям в Узбекистане и ряде других областей страны показывают, что возможности уголовного закона в борьбе с этой разновидностью преступности в полной мере не использовались. Более того, на сам факт существования подобных преступлений не обращалось должного внимания. Потребность же в непримиримой борьбе с наиболее опасными и тяжкими преступлениями вызывает необходимость сосредоточения на организованных формах совершения ряда преступлений, на преступных посягательствах, сопровождающихся элементами профессионализма.

Нелишне заметить, что возрастание опасности групповых посягательств и их проникновение во многие сферы преступности вызвало весьма показательную реакцию руководящих судебных органов. Например, в последние годы наметилась отчетливая тенденция формирования руководящих указаний судам по толкованию и применению групповых признаков, предусмотренных законом, а также указаний, требующих активизации борьбы с групповой преступностью по разным ее проявлениям. Так, постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 16 декабря 1986 г. «О некоторых вопросах применения судами РСФСР законодательства, направленного на борьбу с хищениями государственного и общественного имущества, иными преступлениями и правонарушениями в системе агропромышленного комплекса» в пункте 3 специально потребовало от судов «... не допускать послаблений при назначении наказаний организаторам и другим активным участникам корыстных преступлений, злостным расхитителям государственного и общественного имущества, взяточникам, спекулянтам, а также лицам, злоупотребившим в преступных целях своим служебным положением и причинившим крупный ущерб колхозам, совхозам и другим предприятиям, учреждениям и организациям агропромышленного комплекса»⁶.

Сходные указания по другой категории дел дал Верховный Суд Латвийской ССР. В постановлении от 29 сентября 1980 г. «О практике судов Латвийской ССР

по делам о посягательствах на личную собственность граждан, совершенных путем кражи, грабежа, разбоя и мошенничества» в пункте 13 он подчеркнул: «Суды должны выяснять состав, характер и степень сплоченности преступных групп при совершении посягательств на личную собственность граждан, особенно если в состав группы вовлечены несовершеннолетние: организована ли группа для длительных преступных действий, связывает ли участников группы предварительная договоренность, состоявшаяся непосредственно перед совершением конкретного преступления, или группа сложилась внезапно в силу случайного стечения обстоятельств. При этом необходимо учесть, что участниками организованной группы при насильственных корыстных преступлениях, посягающих на личную собственность граждан, признаются не только участники группы, непосредственно участвующие в осуществлении насилия или в высказывании угроз применения насилия, но и другие участники, которые в силу предварительной договоренности выполняли иную роль: стояли на страже около места совершения преступления, в целях угрожающе воздействовать на потерпевшего на виду у него принимали соответствующую позу, участвовали в завладении имуществом потерпевшего ...»⁷

Мы полагаем, что для борьбы с организованной преступностью необходимо включить в главу «Преступления против общественного порядка» специальную статью: «Организационная деятельность, направленная на совершение преступлений, или активное в ней участие». Вариант ее текста мог бы быть таким:

«Организационная деятельность, направленная на создание устойчивой группы, имеющей целью совершение тяжких преступлений, а равно руководство такой группой либо совершение ею преступлений —

наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с конфискацией имущества и со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки или смертной казнью.

Те же действия, имеющие целью совершение преступлений, не относящихся к категории тяжких —

наказываются лишением свободы на срок от трех до восьми лет с конфискацией имущества.

Активное участие в организационной деятельности, предусмотренной частью первой или второй настоящей статьи, —

наказывается лишением свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества или без таковой

Освобождаются от уголовной ответственности лица, добровольно заявившие о своей принадлежности к устойчивой группе, имеющей целью совершение преступлений, либо активно способствовавшие раскрытию ее деятельности или пресечению совершаемых ею преступлений, если фактически совершенные ими деяния не содержат признаков иного преступления».

Оценивая последнюю часть предлагаемой статьи, мы обращаем внимание на то, что в нашем законодательстве необоснованно отсутствует подобное правило, дающее возможность рядовым участникам устойчивых групп выйти из преступных формирований путем активного содействия правоохранительным органам в разоблачении и пресечении преступной деятельности⁸. Жесткость санкции данной новеллы преследует единственную цель — сделать такое участие невыгодным. В существующих постановлениях уголовного законодательства факт совершения преступления организованной или устойчивой группой учтен лишь в нескольких конкретных статьях при формулировании признаков основного либо квалифицированного состава. При постоянной тенденции совершения многих видов преступлений такими группами, особенно в сфере посягательств на экономическую систему, это обстоятельство никак не регламентируется уголовным законом. В общих постановлениях соучастия в преступлении признаки данной группы не выделены, не установлены и пределы ответственности за совершение преступления ее участниками, не предусмотрены варианты их позитивного поведения, освобождающие от уголовной ответственности или существенно снижающие меру ответственности в случае, если лицо добровольно заявило о совершенных группой преступлениях или о своей связи с нею. Этот вопрос остается актуальным для практики борьбы с организованными посягательствами на собственность, рядом хозяйственных преступлений, взяточничеством и др.

Практические органы постоянно испытывают потребность в разрешении таких вопросов. Не находя достаточной базы в самом уголовном законе, следственные органы и суды используют понятие организованной группы в процессе квалификации хищений. При этом наблюдаются колебания при оценке пособнических действий отдельных участников посягательства. Принимая во внимание заранее состоявшееся распределение ролей между

соучастниками хищения, суды с учетом показателя организованности соучастников квалифицируют пособнические действия как более опасные групповые деяния по ч. 2 ст. ст. 89—93 УК РСФСР.

В целом практика квалификации хищений как совершенных «организованной группой» отражает тип опасного поведения соучастников. Она учитывает, что заранее обусловленное распределение ролей между ними подчеркивает их сплоченность, направленную на совершение одного или нескольких преступлений. Сплоченность в рамках «организованной группы» характеризуется наличием отработанных плана и способов совершения посягательства, подготовкой орудий и средств, фактическим заранее обусловленным выполнением действий, облегчающих совершение деяния, намеренным созданием соучастниками благоприятных условий для последующего совершения преступлений и т.п.

Нетрудно заметить, что все эти показатели охватываются одним, более емким — заранее обусловленным распределением ролей. Именно этот критерий используют следственные органы и суды при квалификации посягательств на собственность как совершенных организованной группой. Однако для такой практики в существующей редакции ст. 17 Основ, казалось бы, нет оснований. Понятие «организованная группа» в ст. 17 не сформулировано, а содержащееся в п. 2 ст. 34 Основ упоминание о совершении преступления организованной группой как обстоятельстве, отягчающем ответственность в процессе индивидуализации наказания, по функциональной роли этой статьи в системе уголовного законодательства не может и не должно влиять на квалификацию преступлений. Тем не менее многие криминалисты полагают, что признак «совершение преступления организованной группой» (п. 2 ст. 34 Основ) дает основание для квалификации посягательств на собственность по признаку их совершения «по предварительному сговору группой лиц» и в тех случаях, когда отсутствует соисполнительство. Нередко бытуют утверждения, что «хищение может быть признано совершенным по предварительному сговору группой лиц как при простом, так и сложном соучастии, т.е. как при соисполнительстве, так и при соучастии с распределением ролей...»⁹.

При формулировании подобных теоретических выводов не учитывается, что отягчающее ответственность обстоятельство, содержащееся в п. 2 ст. 34 Основ, не может расцениваться как признак конкретного состава

или тем более как составная часть иной общей нормы. Смысл и назначение этих правовых явлений не однозначны, а правовые последствия — различны. Поэтому попытки толковать групповой признак в составах хищения через призму понятия организованной группы, сформулированного в п. 2 ст. 34 Основ, равно как и попытки «дополнить» ст. 17 Основ этим же понятием в обход законодателя, вряд ли обоснованны.

В постановке этого спорного вопроса необходимо, на наш взгляд, выделить два аспекта.

Первый — имеется ли правовая основа (ст. 17 Основ) для оценки отягчающего ответственность обстоятельства (п. 2 ст. 34 Основ) в качестве квалифицирующего признака конкретных составов? Если руководствоваться аксиомами теории уголовного права, ответ на вопрос должен быть однозначным. Существующие положения института соучастия почвы для такого решения не содержат. Понятия «организованная группа» в этой норме нет. А положение закона, подчеркивающее, что «степень и характер участия каждого из соучастников в совершении преступления должны быть учтены судом при назначении наказания», также не создает основы для такого решения.

Еще одним доказательством тезиса, что существующие постановления соучастия не содержат правовой основы для перевода объективно пособнических действий в разряд преступлений, совершенных организованной группой, служит то, что подобная практика разрешения конкретных уголовных дел общепризнанно распространена не на все групповые посягательства, а лишь на хищения. Во всех остальных преступлениях для квалификации по признаку совершения преступления группой лиц, независимо от степени ее организованности, требуется обязательное, хотя бы частичное выполнение каждым соучастником деяний, охватываемых формами противоправного поведения, включенными в качестве признаков объективной стороны конкретного состава преступления. То, что этот вопрос не решается в рамках существующих законоположений соучастия, следует, на наш взгляд, рассматривать как пробел закона, который нуждается в восполнении путем регламентации признаков преступления, совершенного устойчивой (организованной) группой

Закономерно возникает второй аспект в постановке затронутого вопроса. Какие исходные нормативные, теоретические или иные причины заставляют правоприменителей

менительные органы привлекать понятие «организованная группа» для того, чтобы квалифицировать как групповое хищение факты посягательств на собственность со стороны организованных групп, фактически распределивших обязанности между соучастниками так, что одни, например, непосредственно завладевают имуществом, другие организуют посягательство, третьи «специализируются» на сокрытии следов преступления и т.п.?

Ответ на вопрос заключается в том, что распространенная практика квалификации групповых посягательств на собственность по признаку совершения преступления организованной группой верна. Она имеет теоретическое обоснование. Опирается такое решение не на правила соучастия (ст. 17 Основ), а на общее понятие хищения социалистической собственности, сконцентрировавшее общие признаки для всех конкретных его форм, прямо предусмотренных уголовным законом. Лишь опираясь на общее понятие хищения и признаки сформулированных в уголовном законе конкретных форм посягательств на собственность, можно объяснить, почему группа, по общему правилу обладающая всеми параметрами лишь сложного соучастия, в посягательстве на собственность в силу ее организованности, специализированного, заранее состоявшегося распределения ролей между виновными может приобрести статус организованной, или устойчивой, а содеянное квалифицироваться по соответствующей части статьи Уголовного кодекса, предусматривающей квалифицированный вид хищения по признаку его совершения по предварительному сговору группой.

Действительно, если под хищением понимать умышленное незаконное завладение с корыстной целью имуществом для обращения его в свою собственность или в собственность других лиц, то само завладение по объективным признакам допускает возможность такого участия нескольких лиц в преступлении, такого распределения обязанностей между ними, когда для более результативной деятельности виновных одни соучастники «специализируются» только на изъятии имущества, другие — на его перемещении, третьи — включаются в посягательство в момент укрытия похищенного и т.п. Сама же группа в этом случае предстает в качестве устойчивого объединения расхитителей, организовавших для совершения одного или нескольких преступлений. Как раз эту идею отразил Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и обще-

ственного имущества», когда разъяснил, что «под хищением, совершенным по предварительному сговору группой лиц, следует понимать такое хищение, в котором участвовали двое или более лиц, заранее договорившихся о совместном его совершении»¹⁰. В постановлении при характеристике объективных признаков группового хищения употребляется широкое понятие «участие» и не используется такая более конкретная формулировка, как «непосредственное изъятие имущества», т.е. толкуются объективные признаки выполнения преступления группой шире, нежели соисполнительство.

Не противоречит ли данное решение вопроса существующим законоположениям соучастия? Отнюдь нет. Таковую практику следует рассматривать не через призму ст. 17 Основ, а как исключение из общих правил института соучастия, формулируемое на уровне Особенной части Уголовного кодекса и предусмотренное лишь для ограниченного круга статей (89—92 УК РСФСР и др.). Здесь прослеживается то же соотношение, которое наблюдается при конкуренции общих и специальных составов, с тем лишь отличием, что в рассматриваемом варианте как общее правило выступает ст. 17 Основ (ст. 17 УК РСФСР), а в качестве специального состава — предписания, содержащиеся в соответствующих частях статей, предусматривающих ответственность за посягательства на собственность. Правильно истолковать и применить объективные и субъективные признаки последних нельзя в отрыве от общего понятия хищения и специфики его форм, предусмотренных действующим уголовным законодательством. В этом, на наш взгляд, заключается теоретическая основа для более широкого, нежели предписано ст. 17 Основ (ст. 17 УК РСФСР), толкования признака совершения преступления по предварительному сговору группой лиц в посягательствах на собственность, когда по этому же составу (ч. 2 ст. ст. 89—92 УК РСФСР и др.) квалифицируются фактические посягательства, совершенные не только соисполнителями, но и иными участниками, входящими в организованную группу¹¹. Однако для того, чтобы такая практика разрешения уголовных дел имела и правовое основание, представляется необходимым дополнить примечания к ст. ст. 89 и 144 УК РСФСР соответствующим прямым указанием.

Пункт 2 ст. 34 Основ к решению рассматриваемого вопроса не имеет отношения. Круг квалифицирующих признаков составов и обстоятельств, отягчающих ответ-

ственность в процессе назначения наказания, ограничен самим законом. Назначение п. 2 ст. 34 Основ однозначно — максимально индивидуализировать наказание лицам, совершившим конкретное групповое преступление.

Действующее уголовное законодательство не решает и ряда других проблем соучастия в преступлении. Например, в законе никак не регламентируются вопросы добровольного отказа в соучастии и добровольного отказа участников группового преступления.

Действующие постановления уголовного закона (ст. 16 УК РСФСР) не учитывают специфики соучастия и не позволяют в полной мере использовать эту форму позитивного поведения для профилактики преступлений, выполняемых в соучастии. Статья 16 УК не учитывает обстоятельства, что в соучастии объективные и субъективные показатели содеянного совинтовниками осложнены. Опасная активность (действие, бездействие) субъекта может предшествовать непосредственному совершению посягательства исполнителем и, тем не менее, само посягательство выступает для всех соучастников в качестве единого, выполненного совместно. Изъятие личного вклада отдельным соучастником либо участником группы возможно лишь путем активного поведения, направленного на предотвращение совершения преступления другими соучастниками. Пассивная форма поведения может оцениваться по правилам добровольного отказа лишь в одном случае, когда невыполнение одним из соучастников общественно опасных действий полностью исключает возможность выполнения преступного посягательства другими соучастниками. В этой связи мы полагаем, что сложившаяся ныне практика освобождения от ответственности участника группового посягательства в случаях, когда он добровольно отказывается принять участие в преступлении, но не предпринимает мер по предотвращению преступления, должна быть подвергнута критической переоценке. Особенно явственно это проявляется в групповых посягательствах на социалистическую и личную собственность, в ряде хозяйственных преступлений. Важность охраняемых уголовным правом общественных отношений в этой области требует более широкого использования потенциальных возможностей закона, направленных на профилактику и предотвращение преступлений.

В этой связи представляется заслуживающим внимания предложение отдельных авторов дополнить уголовное законодательство соответствующим положением,

направленным на регламентацию добровольного отказа в соучастии в преступлении¹², обязательное смягчение ответственности за пособничество.

Существующие пробелы в действующих постановлениях уголовного закона, нацеленных на борьбу с групповыми преступлениями, несомненно, вызывают ряд отрицательных последствий в правоприменительной деятельности. Главное из них заключается в отсутствии единого масштаба в оценке общественной опасности групповых посягательств и соответственно — в отсутствии на уровне законодательного решения однозначных правовых последствий за совершение юридически тождественных по обязательным признакам групповых посягательств.

Вряд ли можно признать эффективной законотворческую практику, когда в одних, явно малочисленных по распространенности, случаях групповые посягательства оценены в законе в качестве необходимого признака основного либо квалифицированного состава. Во всех же других — факт совершения преступления группой лиц практически не принимается во внимание либо, в исключительных случаях, при совершении преступления организованной группой может в соответствии с п. 2 ст. 39 УК РСФСР оцениваться в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность в процессе индивидуализации наказания участнику конкретного преступного посягательства.

В практической деятельности судебно-следственных органов возникают и другие сложные вопросы. Например, отсутствие специальных положений закона, корректирующих применение институтов освобождения от уголовной ответственности к участникам единых групповых посягательств, приводит при практическом разрешении уголовных дел к нарушению принципа социальной справедливости. Так, ныне далеко не редкость, когда при совершении одного хищения двумя участниками, при наличии признаков группы, один из соучастников привлекается к уголовной ответственности, а второй освобождается от нее. Например, именно так был решен вопрос по факту, когда мотор стоимостью 87 руб. был похищен с территории склада двумя соучастниками по предварительному сговору. В судебном заседании по этому делу в качестве обвиняемого предстал один из виновных, второй до суда был освобожден от уголовной ответственности с передачей на поруки. Подобная практика, по нашему мнению, нуждается в переориентации

на уровне уголовного законодательства. Во всех случаях совершения посягательства по предварительному сговору группой лиц каждый из участников преступления должен нести уголовную ответственность. При ином решении фактически перестают работать основополагающие институты и нормы Общей части уголовного законодательства (основание ответственности, понятия преступления, соучастия и др.).

Ленинский принцип неотвратимости ответственности должен соблюдаться неукоснительно. Масштаб ответственности, одно совершенное группой преступление, в групповом преступлении остается единым для всех участников посягательства. Соответственно и уголовная ответственность должна строиться на началах справедливости. Каждый из соучастников обязан нести уголовное наказание или быть освобожден от него (в случаях, предусмотренных самим уголовным законом) с учетом степени и характера личного участия в совершении группового преступления. Следовательно, наиболее рациональный путь решения этого практически важного вопроса — включение в норму о соучастии специальной оговорки, что в случаях привлечения к уголовной ответственности одного из участников преступления, совершенного по предварительному сговору группой, другие участники преступления не могут быть освобождены от уголовной ответственности. При наличии оснований освобождения, предусмотренных ст. 50 УК, они по приговору суда освобождаются от наказания.

§ 2. Групповое исполнение преступления

Самостоятельную разновидность множественности участников представляет групповое исполнение преступления, когда в процессе совершения посягательства субъект наряду со своими использует дополнительно физические усилия невменяемых, лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, либо других лиц, которые по предусмотренным уголовным законом основаниям не могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Подобная форма исполнения преступления достаточно широко распространена. Она встречается в посягательствах на личность, социалистическую и личную собственность, в ряде других преступлений. Судебная практика преступления такого вида стабильно оценивает как групповые по способу их исполнения и квалифицирует содеян-

ное надлежащим субъектом по признакам группового посягательства.

Например, приговором Владимирского областного суда Г. осужден по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР по признаку совершения преступления группой лиц. Он признан виновным в том, что совместно с К. (не привлеченным к уголовной ответственности в силу ст. 10 УК РСФСР) совершил изнасилование В. при следующих обстоятельствах. Потерпевшая В., находясь в сильной степени опьянения, упала у железнодорожного переезда. Г. и 13-летний К. подняли ее и повели по дороге к поселку. В пути следования у Г. возник умысел совершить с В. половой акт, воспользовавшись ее беспомощным состоянием. С этой целью Г. с помощью К. отвел В. к копне соломы, раздел ее и там совершил с потерпевшей насильственный половой акт. По предложению Г. К. также пытался совершить с В. половой акт, но не смог осуществить своего намерения, затем они надели на потерпевшую часть снятой с нее одежды, положили В. на копну, прикрыли соломой и уехали домой.

Президиум Верховного Суда РСФСР, исправляя ряд ошибок, допущенных по данному уголовному делу, указал, что изнасилование признается совершенным группой лиц независимо от того, что второй участник преступления в силу ст. 10 УК РСФСР не привлечен к уголовной ответственности¹³.

Данное проявление «группы» в уголовном праве не является соучастием в преступлении. Соучастия здесь нет, поскольку в данном варианте опасного поведения людей отсутствует ряд его обязательных признаков, предусмотренных ст. 17 УК, в частности такой важный признак соучастия, как наличие двух или более субъектов уголовной ответственности.

Что же предопределяет юридическую сущность подобного типа опасного поведения людей в процессе совершения преступления при наличии признаков группового по внешнему проявлению исполнения его? При ближайшем рассмотрении оказывается, что опасность исполнения преступления при участии нескольких лиц, когда нести реальную ответственность может лишь один из них, поскольку только он обладает юридическими признаками субъекта преступления, возрастает за счет способа выполнения посягательства. По своим внешним объективным характеристикам этот способ является групповым. В процессе осуществления посягательства объективно участвуют несколько человек. Следовательно,

групповой способ исполнения выражает здесь объективную характеристику действий при стечении в преступлении нескольких лиц, когда только один из них обладает юридическими признаками субъекта преступления. Этот феномен представляет самостоятельное юридическое явление в рамках множественности. Условно данный вид можно обозначить как групповое исполнение или групповой способ совершения преступления. Он обладает самостоятельностью и характеризуется несколькими обязательными признаками. Во-первых, для него характерно стечение в одном преступлении нескольких физических лиц. Во-вторых, юридическими признаками субъекта преступления обладает лишь один из них. В-третьих, надлежащий субъект сам выполняет преступление своими поступками, дополнительно используя в процессе его совершения усилия лиц, не подлежащих уголовной ответственности по иным предусмотренным законом основаниям.

Типичным проявлением группового по способу исполнения преступления выступают, например, факты изнасилований, совершаемых несколькими лицами, когда признаками субъекта преступления обладает лишь один виновный, а остальные участники совершенного преступления не привлекаются к уголовной ответственности в силу невменяемости либо недостижения возраста уголовной ответственности. Подобное изнасилование совершается объединенными усилиями нескольких физических лиц, поэтому можно утверждать, что оно по объективной окраске (по объективной стороне) выполняется как «групповое» посягательство. Однако проявление «группы» в данном случае имеет качественно отличное от соучастия содержание. «Группа» характеризует здесь лишь объективную внешнюю сторону посягательства, его способ, когда реально вред объекту причиняется совместно виновным (субъектом преступления) и лицом, не обладающим признаками субъекта.

При этом виновный (надлежащий субъект ответственности) сознает, что в процессе совершения преступления наряду с его собственными действиями (бездействием) используются физические или иные усилия других лиц, в частности лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, невменяемых, он также сознает, что эти присоединяющиеся действия таких лиц, дополняя собственные его, виновного, усилия, существенно облегчают совершение преступления в целом, и желает совершить посягательство именно таким способом.

Следовательно, анализируемые проявления «группы» в изнасиловании (ч. 3 ст. 117 УК) не охватываются правилами соучастия в преступлении, они имеют самостоятельное правовое значение, выступая в качестве одного из вариантов множественности участников, и учитываются как способ исполнения преступления.

Общественная опасность способа совершения преступления возрастает за счет того, что несколько лиц в процессе изнасилования способны выполнить такие посягательства, которые одно лицо выполнить не может. Сложность правильного понимания и применения уголовного закона, конкретно ч. 3 ст. 117, заключается в том, что законодатель, формулируя признаки этого состава преступления, предусматривает возможность его совершения как группой соучастников, так и «группой», в которой лишь одно лицо обладает признаками субъекта. Следовательно, эта норма (ч. 3 ст. 117) допускает совершение преступления группой как форму соучастия, так и как групповой способ при отсутствии признаков соучастия.

На этой позиции стоит сложившаяся судебная практика квалификации преступлений по анализируемому признаку. Пленум Верховного Суда СССР в пункте 10 постановления от 25 марта 1964 г. «О судебной практике по делам об изнасиловании» специально подчеркнул, что «действия лиц, организовавших изнасилование группой, следует квалифицировать по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик независимо от того, что другие участники в соответствии со ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик не были привлечены к уголовной ответственности»¹⁴. Данное разъяснение специально оттенило, что повышенная общественная опасность групповых посягательств может лежать не только в плоскости соучастия, но и объективных признаков исполнения посягательства, его группового по внешним проявлениям способа.

Аналогично решается вопрос применительно к посягательствам на социалистическую и личную собственность. Пленум Верховного Суда РСФСР в пункте 13 постановления от 22 марта 1966 г. (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 23 декабря 1970 г. и от 27 июля 1983 г.) «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» подчеркнул: «Действия участника разбойного нападения или грабежа, совершенных по предварительному сговору группой лиц, подлежат ква-

лификации соответственно по ч. 2 ст. 90, п. «а» ч. 2 ст. 91, ч. 2 ст. 145, п. «а» ч. 2 ст. 146 УК независимо от того, что остальные участники преступления в силу ст. 10 УК или по другим предусмотренным законом основаниям не были привлечены к уголовной ответственности»¹⁵. Сложившаяся практика квалификации иных посягательств на собственность восприняла эту рекомендацию и распространила ее на составы хищения и посягательств на личную собственность граждан, предусматривающие групповой квалифицирующий признак¹⁶.

Господствующая судебная практика, поддержанная и дополнительно разъясненная постановлениями Пленумов Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР, критически оценивается рядом специалистов, что нашло отражение в публикациях по данной проблеме¹⁷. Основные аргументы критиков позиции руководящих судебных органов заключались в том, что эти указания Верховного Суда СССР и Верховного Суда РСФСР не согласуются с требованиями норм института соучастия, а следовательно, противоречат действующему законодательству. Нам представляется, что подобные критические высказывания в адрес сложившейся судебной практики квалификации изнасилования по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР, а также посягательств на собственность по групповому признаку теоритически необоснованны. Таким образом, оценивать данное проявление «группы», как было показано выше, через призму соучастия в преступлении нельзя, поскольку его признаки здесь отсутствуют. К тому же эти специалисты не учитывали, что «группа» в уголовном праве выступает в нескольких качествах, она не исчерпывается только соучастием в преступлении, и это не может не влиять на практику квалификации дел данной категории¹⁸. Судебная практика правильно исходит из того, что соучастия здесь нет вообще, поэтому правила института соучастия для разрешения данного вопроса не применимы.

Нам представляется, что во всех случаях, когда посягательство исполняется одним субъектом, организовавшим для его совершения невменяемых, малолетних, налицо проявление отличной от соучастия, не изученной в теории уголовного права разновидности общественно опасного поведения. По содержанию она не может квалифицироваться как соучастие в силу отсутствия субъектного признака этого правового института. Отсутствуют в данном варианте опасного поведения и признаки посредственного причинения, при котором все общественно

опасные действия выполняются фактически усилиями только самого невинно действующего лица, неменяемого, малолетнего. Это означает, что реальный исполнитель преступления организует такое поведение невинно действующего лица (или лица, не подлежащего уголовной ответственности по иным основаниям). Он (посредственный исполнитель), по существу, действует в одиночку. Своеобразие же выполнения преступления заключается в том, что посредственный исполнитель использует для совершения его не свои, а только физические усилия другого лица. Верно подчеркивает Ф. Г. Бурчак, что посредственное причинение представляет собой своеобразное выполнение объективной стороны состава преступления через действия другого лица, используемого как инструмент осуществления преступных намерений посредственного причинения¹⁹. Иначе решается вопрос при наличии в опасном поведении признака множественности. В случаях, когда посягательство выполняется субъектом ответственности с включением в причиняющее воздействие усилий других лиц, не подлежащих уголовной ответственности, налицо один из вариантов множественности участников одного преступления. Причем анализируемый вид множественности характеризуется главным образом особенностями выполнения посягательства. Посягательство осуществляется непосредственными усилиями субъекта, который организует, вовлекает в данный процесс дополнительные усилия лиц, действующих невинно, лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, либо неменяемых. Только в результате такого совместного с другими физическими лицами исполнения посягательства субъект добивается совершения задуманного преступления, причем без дополнительного привлечения усилий других физических лиц оно для субъекта обычно серьезно затруднено либо вообще невозможно. Из приведенного положения следует, что в анализируемом варианте опасного поведения нет не только соучастия в преступлении, но и чистого посредственного причинения. Налицо отличное от них, самостоятельное уголовно-правовое явление, раскрывающее свою специфику через призму института множественности.

Посягательства такого типа встречаются достаточно часто, поэтому в целях стабилизации практики разрешения уголовных дел данному правовому явлению целесообразно дать оценку непосредственно в уголовном законе²⁰. Предлагаемая мера, на наш взгляд, способ-

ствовала бы повышению эффективности уголовного законодательства в борьбе с этой разновидностью группового по внешним объективным признакам исполнения преступления.

§ 3. Неосторожное сопричинение

Неосторожное сопричинение²¹ со всеми иными видами множественности участников преступления объединяет общее качество — в совершении одного преступления всегда участвует несколько лиц, совместными осознанными или неосознанными, как правило, irrelevantными (безразличными) для уголовного закона, усилиями которых по неосторожности учиняется одно преступное деяние²² либо причиняется единый преступный результат.

Общественная опасность неосторожного сопричинения, наряду с другими параметрами, предопределяется тем, что такого рода посягательства в силу стечения нескольких лиц в одном преступлении осложнены по объективным показателям их выполнения, что нередко вызывает гибель людей, причинение им телесных повреждений, уничтожение материальных ценностей и т.п. Это обстоятельство начинает приобретать серьезное значение с учетом наметившейся тенденции роста неосторожных преступлений, обусловленной возрастанием технической вооруженности всех сфер человеческой деятельности и глобальным воздействием человека на окружающие его экологические системы. Появление новой техники и новых процессов ее использования выдвигает перед юристами и новые проблемы, связанные с возникновением ранее не встречавшихся разновидностей неосторожных деликтов²³. Это замечание в полной мере может быть распространено и на неосторожное сопричинение. Спектр распространения его достаточно широк. Оно встречается в неосторожных преступлениях: бытовых (ст. ст. 106, 114, 99, 150 УК), совершаемых в сфере действия технических средств или других источников повышенной опасности (ст. ст. 84, 85, 140, 211, 212, 215, 216, 217, 252, 254 УК), в сфере чисто профессиональной деятельности (ст. ст. 100, 160, 161, 205¹ УК), связанных с использованием должностных (управленческих) функций (ст. ст. 152, 172 УК)²⁴. Причем, по данным конкретных исследований, доля неосторожного сопричинения в сфере нарушений правил безопасности и использования техники составляет 99%²⁵ и лишь 1% проявляет себя во всех иных вариантах²⁵. Значимость этого показателя возрастает, если

учитывать, что в сфере использования техники совершается около 80% всех неосторожных преступлений²⁶.

С поступательным увеличением объема оснащенности различных сфер социальной деятельности средствами техники и достижениями научно-технического прогресса неосторожное сопричинение будет все заметнее проявлять себя в структуре неосторожной преступности. Сама социальная практика со временем потребует для усиления надежности охраны соответствующих общественных отношений и для максимальной дифференциации ответственности виновных законодательно урегулировать пределы ответственности за неосторожное сопричинение. Этому в немалой степени будет способствовать и то, что усложнение техники ведет к резкому возрастанию групповых форм управления ею, а масштабность технологических процессов вызывает адекватно и более серьезные по качеству и объему вредные последствия в случае неумелого, неправильного или недобросовестного обращения людей с техникой и технологией. В настоящее время в Уголовном кодексе такой тип опасных поступков людей специально не учтен, поэтому ответственность каждого виновного определяется на общих основаниях, как если бы он совершил неосторожное преступление в одиночку. Складывается своеобразная ситуация — умышленная совместная деятельность нескольких лиц в процессе совершения преступления детально регламентируется институтом соучастия. В то же время широко распространенная форма совершения преступлений — неосторожное сопричинение — в уголовном законодательстве не регламентируется вовсе. При этом не учитывается, что факт совместного сопричинения преступного результата по неосторожности, также как и в умышленных посягательствах, отражается на оценках и фактической опасности содеянного, и поведения каждого из виновных, поскольку степень и характер участия сопричинителей в неосторожном преступлении могут существенно различаться. Сложившееся положение не может быть признано удовлетворительным и в силу того, что с резким возрастанием научно-технического прогресса в нашей стране, предначертанным историческими решениями XXVII съезда КПСС, следует ожидать и возрастания доли опасных проявлений неосторожного сопричинения в сфере использования техники, транспорта, новых видов технологии и т.д.

Необходимо подчеркнуть, что неосторожное сопричинение, характеризующееся признаком совместности

действий (бездействия), причинивших один преступный результат, никакого отношения к институту соучастия не имеет. Оно представляет собой иное правовое явление, требующее самостоятельного уголовно-правового регулирования. Существующие постановления закона (ст. 17 УК) об учете судом при назначении наказания степени и характера участия каждого из соучастников в совершении преступления для выделенного типа совместных деяний не применимы, поскольку в нем не содержатся признаки соучастия в преступлении. Не распространяется на приведенный вариант поведения и указание ст. 37 УК, которая предписывает учитывать при назначении наказания характер и степень общественной опасности совершенного преступления, тогда как в неосторожном сопричинении необходимо принимать во внимание степень и характер участия в совместной «допреступной» деятельности, обусловившей наступление предусмотренного уголовным законом преступного последствия с учетом ситуации, сферы деятельности субъектов, их познаний, наличия должностных (управленческих) функций, характера используемых ими приемов, орудий, средств и многих других обстоятельств.

Вопросов, которые нуждаются в специальной законодательной регламентации, в данной области достаточно много. Они связаны, во-первых, с необходимостью учета своеобразия механизма сопричинения вреда, который зависит от объема «вклада» в содеянное каждым из виновных. В свою очередь, объем личного «вклада» в общий результат может зависеть от многих факторов — количества сопричинителей, специальных обязанностей, возложенных на них, привлечения одним из них технических средств или источников повышенной опасности, наличия специальных познаний или контрольных обязанностей у одного из них, обладания соответствующими должностными (управленческими) функциями, выхода одного из сопричинителей за пределы обусловленных или предполагавшихся действий (бездействия) и т.п. Эти и другие обстоятельства зачастую влияют на характер последствий, объем, способы их причинения, сферу деятельности, в которой они могут наступить, что в конечном счете предопределяет отбор лиц, действительно выступающих в качестве виновных сопричинителей одного неосторожного преступного результата, и отсеивает тех, чей «вклад» в преступный результат был незначительным.

Во-вторых, для конкретного разрешения уголовных дел в судах вовсе не безразлично предметное содержание

вины каждого из сопричинителей, которая, оставаясь сугубо личным обстоятельством, тем не менее, не может устанавливаться без учета личного «вклада» других сопричинителей преступного результата и ряда обстоятельств объективного и субъективного свойства. Так, если все сопричинители предвидели возможность наступления общественно опасных последствий своих совместных действий (бездействия), но легкомысленно рассчитывали на их предотвращение, каждый понесет ответственность за наступивший преступный результат на общих основаниях. Например, два субъекта решили пошутить над хорошо плавающим приятелем и сбросили его с пирса. Потерпевший неудачно «вошел» в воду, захлебнулся и утонул. Однако наличие дополнительного, входящего обстоятельства может видоизменить содержание вины каждого из сопричинителей. Это произойдет, если, например, в момент падения потерпевший ударится о столб, о существовании которого не догадывались виновные, и погибнет. В последнем варианте налицо преступная небрежность.

Ситуация существенно усложняется, если сопричинителей несколько, однако признаки вины усматриваются на стороне лишь одного из них. Например, причинение преступного результата по неосторожности надлежащим субъектом совместно с невменяемыми, малолетними, лицами, действующими невиновно. Возникает вопрос: может ли данное обстоятельство влиять на степень вины лица, если совокупный вред существенно превышает объем вреда, который способен был причинить виновный в одиночку, если бы он допустил неосторожность?

Ситуация усложняется и в случаях, когда один из сопричинителей при малом личном «вкладе» в общий преступный результат, тем не менее, выступает в качестве инициатора или организатора «допреступной» деятельности, которая, будучи выполнена совокупными усилиями других лиц, причинила неосторожный преступный результат. На практике при разрешении подобных дел неизбежны серьезные затруднения, а нередко и ошибки.

Сложности возникают и тогда, когда преступный результат наступает в сфере профессиональной деятельности, исполнения должностных (управленческих) функций, когда ими или специальными познаниями обладают не все сопричинители вреда, а лишь часть или один из них. Влияет ли это обстоятельство на степень вины субъектов, имеющих специальные признаки? Несут ли

в этих случаях ответственность сопричинители, лишенные этого? В какой мере данное обстоятельство влияет на ответственность лиц, когда вред (фактически причиненное преступное последствие) многократно превышает объем вреда, который мог бы быть причинен субъектом, если бы он «действовал» в одиночку?

Перечень подобных проблем мог бы быть продолжен. Однотипные вопросы нередко решаются неоднозначно. Все это свидетельствует о полезности и целесообразности изучения в науке уголовного права аспектов неосторожного сопричинения и о необходимости самостоятельной регламентации его в уголовном законодательстве.

При анализе неосторожного сопричинения как уголовно-правового явления перед исследователем и практиком всегда стоит задача уяснения сферы его проявления и необходимых признаков, предопределяющих сущностную сторону данного феномена.

Прежде всего, следует четко обозначить область проявления неосторожного сопричинения. Выше был выделен примерный круг объектов уголовно-правовой охраны, которые могут быть нарушены посягательствами с признаками неосторожного сопричинения. В данном же случае мы хотели бы подчеркнуть, что не всякое неосторожное преступное посягательство, в котором преломилось опасное поведение нескольких лиц, должно оцениваться как неосторожное сопричинение. Слабая разработанность этого аспекта проблемы в теории уголовного права зачастую порождает недоразумения при оценке неосторожного сопричинения и на практике. Изучение специальной литературы показывает, что термин «неосторожное сопричинение» используется для любых форм стечения нескольких лиц в одном преступлении. При этом вовсе не учитывается, что область неосторожного сопричинения имеет определенные границы, а многие формы стечения нескольких лиц вокруг одного преступления никакого отношения к нему не имеют.

Дальше всех в оценке самостоятельной сущности неосторожного сопричинения и его разграничении с другими сходными проявлениями неосторожности со стороны нескольких лиц продвинулась И. Р. Харитонова. В результате своих исследований она дала классификацию различных форм причинения по неосторожности преступных последствий²⁷.

В частности, этот автор выделяет: неосторожное посредственное причинение; стечение нескольких разобщенных и единолично выполненных неосторожных преступ-

лений, в силу ситуации повлекших один результат; совершение каждым из совместно действующих субъектов самостоятельного неосторожного преступления и, наконец, собственно неосторожное сопричинение.

Такой подход представляется нам плодотворным. Он позволяет уяснить, что не всякое стечение нескольких лиц в одном преступлении есть неосторожное сопричинение. Кроме того, совершенно очевидно, что наша теория еще в долгу перед практикой, так как большой круг вопросов опасной активности людей пока остался вне границ ее анализа.

Например, следует признать спорным утверждение, в соответствии с которым к неосторожному сопричинению отнесены действия двух водителей, которые в результате нарушения каждым правил безопасности движения причинили один ущерб²⁸. Здесь, как нам представляется, у каждого водителя свое преступление. Иногда к неосторожному сопричинению необоснованно относят известное в судебной практике дело К. и Ш.²⁹, где также на стороне субъектов налицо самостоятельно совершенные действия. Не учитывая данного обстоятельства, чрезмерно широко толкуя неосторожное сопричинение, В. А. Нерсисян утверждает, что неосторожное сопричинение — это неосторожное поведение нескольких лиц, действия которых в результате совпадения времени и места приводят к наступлению преступного последствия. Такое понимание данного явления позволило этому автору отнести к нему, например, последствие, наступившее в результате нарушения правил со стороны водителя и пешехода³⁰.

Более точной представляется формулировка И. Р. Харитоновой, она определяет неосторожное сопричинение как «единое многосубъектное неосторожное посягательство»³¹.

Чем же отличается неосторожное сопричинение от всех иных фактов совершения по неосторожности преступных посягательств, в которых как-то проявляет себя поведение нескольких лиц?

Его главный и отличительный признак заключается в том, что на виновных лежала обязанность в целях избежания нежелательных последствий действовать согласованно в одном направлении, но в силу неосмотрительности или недобросовестности они взаимосвязанными, совместными действиями допустили наступление вредных последствий, оцениваемых как одно преступление, совершенное несколькими лицами.

Пленум Верховного Суда СССР по известному делу К. и Ш. в своем постановлении специально подчеркнул, что неосторожное сопричинение имеется, когда действия нескольких лиц не являются самостоятельными, а носят взаимообуславливающий характер, т.е. когда объективная сторона действий одного лица находится в причинной связи с действиями и последствиями действий другого³².

Именно по этой причине нельзя отождествлять с неосторожным сопричинением любые варианты поведения сопричастных к одному событию лиц, когда содержательный аспект (сущность) явления подменяется внешней характеристикой: оценкой того, находится ли поведение лица в связи с наступившим результатом, или нет. В этом случае, например, нарушение правил безопасности со стороны водителя и пешехода связаны с наступившим результатом, однако неосторожного сопричинения нет, ибо для него характерен заведомо совместный (в одном направлении) характер допоступного поведения двух или более субъектов, каждый из которых виновен в совершении одного и того же преступления.

Например, при очистке от снега взлетных полос аэродромов все лица, задействованные в этом процессе, обязаны соблюдать правила безопасности полетов. Диспетчер не имеет права до завершения работ давать самолету сигнал на посадку, а водитель снегоочистительной машины должен включить предупредительные сигналы. Нарушение тем и другим соответствующих правил, вызвавшие авиакатастрофу, должно оцениваться как проявление неосторожного сопричинения в рамках одного преступления.

Следует оговорить, что значение неосторожного сопричинения в сфере эксплуатации любых транспортных систем достаточно велико. Например, по опубликованным данным, 10% ежегодного пополнения флота утрачивается из-за аварий на море. Причем в результате ошибочных действий экипажа совершается 70—80% всех аварий³³.

Развитие техники во всех сферах, а не только на транспорте, появление новых типов технологий (биотехнологии и др.) вызывают потребность в организации их нормальной эксплуатации. Совершенствование техники влечет за собой усложнение и в сфере управления ею. Оно, в частности, проявляется в том, что многие операторские функции выполняются на грани человеческих возможностей или могут быть реализованы лишь при работе группы людей (операторов).

Для иллюстрации можно привести факты обслуживания больших автоматизированных систем, эксплуатация которых обеспечивается только взаимосвязанными, согласованными усилиями многих людей, действующих в одном направлении. Ненадлежащее обеспечение нормальной работы таких систем нередко грозит или приводит к реальным весьма серьезным последствиям, выражающимся в уничтожении больших материальных ценностей, гибели людей и т.п.³⁴ Именно поэтому факт совместного причинения одного и того же результата по неосторожности оценивается специалистами как «модель наиболее опасного отношения в сфере использования техники»³⁵.

Неосторожное сопричинение в отличие от всех иных вариантов (заметим, также нуждающихся в специальном анализе) стечения нескольких лиц в одном неосторожном преступлении представляет собой единое, многосубъектное неосторожное преступление. Как целостная форма неосторожного поведения оно характеризуется связями двух уровней: 1) объективной (функциональной) и субъективной — между сопричинителями; 2) причинной — между действиями (бездействием) каждого лица и наступившим результатом³⁶.

В самом общем плане это определение удачно очерчивает исходные показатели данного явления. Однако в правоприменительных целях важно установить обязательные признаки неосторожного сопричинения. Это существенно повлияет на судьбы конкретных уголовных дел и разрешение их в судебных инстанциях.

Обязательными признаками неосторожного сопричинения являются: 1) неосторожное сопричинение — это единое преступление; 2) в таком преступлении участвуют несколько субъектов ответственности; 3) взаимосвязанный или взаимообусловленный характер «допреступного» поведения участников посягательства; 4) создание угрозы наступления или наступление единого для всех субъектов преступного последствия, предусмотренного конкретным составом; 5) наличие причинной связи между «допреступным» поведением субъектов и наступившим преступным результатом; 6) совершение посягательства с неосторожной формой вины. Раскроем каждый из них.

Неосторожное сопричинение — единое преступление. Данный признак позволяет разграничить неосторожное сопричинение с другими вариантами стечения нескольких лиц в одном преступлении, в частности с неосторожным посредственным причинением, когда в результате не-

осторожности одного лица другое невиновно причиняет преступный результат. Этот тип опасного поведения людей встречается в бытовой и других сферах³⁷. Например, мать больного грудного ребенка по ошибке оставила вместо микстуры такой же пузырек уксусной эссенции. Соседка, присматривавшая за ним, полагая, что во флаконе лекарство, напоила малыша, в результате ребенок погиб.

Этот же признак позволяет провести четкий водораздел между неосторожным сопричинением и фактами стечения нескольких разобщенных преступлений, каждое из которых выполнено отдельными субъектами самостоятельно, однако все эти преступления в силу сложившихся конкретных обстоятельств вызвали одно последствие. Типичный вариант совершения таких преступлений — одно автотранспортное происшествие, выразившееся в столкновении и повреждении транспортных средств в результате самостоятельного нарушения правил безопасности движения каждым из водителей. Например, один серьезно превысил скорость, а второй двигался по встречной полосе. В данном случае налицо два самостоятельных преступления, за совершение которых несет ответственность каждый из виновных. С неосторожным сопричинением эти виды опасного поведения людей разграничивает существенное обстоятельство — содеянное каждым из водителей не характеризуется признаком совместного (в одном направлении) поведения, оцениваемого как одно преступление.

Точно так же неосторожное сопричинение разграничивается с фактами, когда несколько совместно действующих субъектов совершают каждый свое отдельное неосторожное преступление. Например, во время совместной пристрелки ружей по мишени одним из выстрелов был убит прохожий. Виновным в неосторожном убийстве признается лишь тот, чьим выстрелом была нанесена смертельная травма.

В неосторожном сопричинении налицо два и более субъектов ответственности. Его своеобразие заключается в том, что одно единое преступление выступает результатом совместного, взаимосвязанного или взаимообусловленного поведения нескольких лиц. Множественность его участников, заведомо действующих в одном направлении, вызывает потребность в решении существенных вопросов, связанных с выяснением степени и характера участия каждого из субъектов в причинении преступного последствия.

Важный признак неосторожного сопричинения — взаимообусловленность или взаимосвязанность поведения участников преступного посягательства. Здесь следует лишь учитывать, что она, в отличие от соучастия, проявляется в поведении субъектов, фактически безразличном для уголовного права, если оно не вызывает конкретных, предусмотренных уголовным законом последствий. В рамки состава преступления такие деяния попадают лишь в случае наступления преступных последствий. По этой причине для удобства изложения материала мы используем термин «допреступное» поведение, понимая под ним поведение, обусловившее наступление преступного результата. Однако в отличие от стечения вокруг одного преступного результата нескольких лиц, совершающих каждый отдельное преступление, в неосторожном сопричинении сам преступный результат появился на свет только по той причине, что два или более субъектов действовали заведомо совместно в направлении, породившем результат или не предотвратившем его наступление. Данный признак особенно значимо проявляет себя в сфере использования техники, где функциональное распределение обязанностей между операторами нацелено на обеспечение нормального функционирования сложной системы. А в случае ее выхода из-под контроля, вызвавшего наступление преступного результата, всегда стоит вопрос о выяснении причин последствия и установлении реальных сопричинителей его.

Можно утверждать, что, в отличие от всех иных форм стечения нескольких лиц в одном преступлении, в неосторожном сопричинении прямо «участвуют» в создании опасности наступления преступного результата несколько лиц, «усилия» которых, в известном смысле, объединены и только в силу такой взаимосвязанности, взаимообусловленности вызывают одно общее для всех участников события преступное последствие, квалифицируемое как единое преступление. Следовательно, неосторожное сопричинение всегда совершается совокупными поступками нескольких субъектов, на которых лежала обязанность действовать в определенном направлении по пути предотвращения преступного последствия. Иными словами, поведение участников неосторожного сопричинения выступает в качестве единой силы, которой выполняется единое неосторожное посягательство. Технически вклад каждого субъекта в посягательство зависит от конкретных обстоятельств (от особенностей выполняемых обя-

занностей, сферы, в которой они проявляются, характера производства и т.д.). Носят ли действия (бездействие) сопричинителей тождественный характер либо различаются по функциям, исполняются в одно или разное время — решающего значения не имеет. Главное, необходимо установить, что эти действия (бездействие) сопричинителей преступного результата по своей направленности и содержанию были совместными.

Создание угрозы наступления или наступление единого для всех субъектов преступного последствия, предусмотренного конкретным составом. В зависимости от конструкции состава преступления в неосторожном сопричинении всегда надлежит устанавливать, была ли поведением субъектов создана реальная угроза наступления преступного последствия или же (что встречается гораздо чаще) наступили ли единые для всех участников события преступные последствия. При этом такое последствие выступает результатом взаимообусловленного или взаимосвязанного поведения людей.

Например, нельзя признать неосторожным сопричинением факт преступного загрязнения окружающей среды, когда в результате небрежности, допущенной рядом лиц, работающих на близко расположенных предприятиях, практически одновременно произошли аварийные сбросы неочищенных технических стоков, что привело к отравлению одного и того же крупного водоема. В данном случае каждое из виновно действующих лиц причинило свой преступный результат. Общность последствия вызвана случайным стечением обстоятельств.

Следующий обязательный признак неосторожного сопричинения — наличие причинной связи между поведением субъектов и наступившим преступным результатом.

В неосторожном сопричинении поведение каждого из субъектов находится в причинной связи двух уровней. Особенность отмеченной закономерности заключается в следующем. Первый уровень проявляется в допреступной «стадии» активности субъектов. Он заключается в том, что их поведение вызывает или в какой-то степени обуславливает поступки друг друга. Эта взаимозависимость может проистекать из требований закона, из распределения функциональных обязанностей и т.д. Выполнение совокупного управленческого, операторского или иного решения (поступка) выступает в анализируемом случае для каждого субъекта неосторожного сопричинения как результат и собственных общественно опасных действий, отягощенных дополнительными общественно

опасными действиями сопричинителей. Этот уровень зависимости дополняется вторым. Поступки каждого из сопричинителей выступают в качестве органической составной части общей причины, которая с необходимостью, закономерностью вызывает единое для всех участников преступное последствие, предусмотренное уголовным законом.

Именно по этой причине нельзя согласиться с решением судебной коллегии Верховного Суда СССР по известному делу Ч. и М. Они организовали в будке стрельбу из пистолетов. Выстрелом, произведенным из пистолета М., была убита проходившая мимо П. Судебная коллегия признала виновными в неосторожном убийстве *обоих участников события*³⁸. Ошибка подобного вывода заключается в следующем: не было учтено, что причинная связь с наступившим результатом усматривается лишь в действиях М.

При практическом разрешении конкретных уголовных дел для выяснения вопроса о том, находится ли поведение каждого сопричинителя в причинной связи с преступным результатом, необходимо в каждом отдельном случае установить, какие обязанности были возложены на субъекта по роду его работы или деятельности (например, по управлению техникой), или специально возложенного контроля за ее безопасностью и насколько они были значимы для наступления преступного последствия.

Верно подчеркивает А. А. Тер-Акопов, что опосредованный характер связи между допущенными нарушениями и наступившими последствиями, неоднозначность связей между действиями и наступившим результатом, когда конкретное последствие может быть следствием различных нарушений, нормативный характер причины и ограниченность деяний, способных выступать в качестве причины наступления последствий, предусмотренных уголовным законом, приводят к серьезным сложностям на практике, проявляющимся чаще всего в том, что к ответственности привлекаются не основные, а второстепенные участники³⁹.

Следовательно, «вклад» каждого сопричинителя в наступление преступного результата должен исследоваться предметно с тем, чтобы не допустить фактов объективного вменения последствия лицам, «взнос» которых может оцениваться как незначительный.

Совершение посягательства с неосторожной формой вины. Наряду с обязательными объективными призна-

ками, неосторожное сопричинение характеризуется и постоянными субъективными. Последние, оставаясь проявлением общих субъективных признаков любого неосторожного посягательства, имеют особенности, предопределенные спецификой объективных показателей данного правового явления.

Предметное содержание субъективных признаков неосторожного сопричинения отражает усложненный характер самого посягательства, учиненного несколькими лицами. Если при совершении преступления с признаками умышленной вины последствия предвидятся и субъекты желают либо сознательно допускают их наступление, то в неосторожном сопричинении эти границы сужены, поэтому конкретный единый преступный результат общественно опасной деятельности сознанием сопричинителей охватываться не может. В преступной самонадеянности ими предвидится лишь абстрактная возможность наступления неконкретизированных индивидуально-неопределенных последствий. В преступной небрежности виновные вообще не предвидят последствий, они несут ответственность за то, что каждый из них должен был и мог их предвидеть.

При совершении неосторожных преступлений ответственность сопричинителей наступает за недостаточную их осмотрительность, проявленную в ходе совместных действий, в сложившейся обстановке, с учетом специально возложенных на них обязанностей действовать определенным образом и конкретных строго персонифицированных индивидуальных возможностей каждого из них. Теория уголовного права и уголовный закон однозначно отвергают «коллективную» вину в умышленных преступлениях. Точно так же она немыслима в преступлениях, совершаемых несколькими лицами по неосторожности. Если субъект не предвидит последствий собственных опасных поступков и несет ответственность за то, что должен был и мог их предвидеть, тем более нельзя ожидать от него, что он сможет проявить еще большую осмотрительность и предотвратить последствие, наступающее в результате неосторожной деятельности других.

Неосторожная вина обычно исключает осведомленность лиц, причинивших преступный результат, о совместном совершении именно преступления. Совершаемые субъектами (даже осознанно) совместные действия сами по себе (без наступления реальных последствий) безразличны для уголовного права. В соответствующий момент сопричинители вреда не сознают уголовной

противоправности своих действий, поэтому сам факт совершения преступления фиксируется их сознанием уже после наступления преступных последствий.

Как же мы можем обосновать момент вины в преступлениях, совершаемых в неосторожном сопричинении? Следует сразу же оговорить, что вина каждого сопричинителя одного неосторожного преступного результата строго индивидуальна. Своеобразие же ее предметного содержания заключается в том, что вина устанавливается только в связи с наступлением конкретного преступного результата и всегда в ретроспективе. Для ее уяснения требуется определить два уровня обстоятельств: 1) наличие показателей неосторожной вины, предусмотренных ст. 9 УК РСФСР, 2) наличие осознания взаимосвязанного характера или совместности действий (бездействия), приведших к наступлению преступного последствия. Такой подход предопределен единым характером деятельности, выполняемой сопричинителями, например, единством действий, обеспечивающих выполнение сугубо конкретной задачи по обеспечению нормального хода технологического процесса или управлению технической системой.

Если отрицать необходимость самостоятельного анализа второй группы обстоятельств (факта осознания заведомо взаимосвязанного характера деятельности, приведшей к наступлению результата), то при практическом разрешении уголовных дел фактически нельзя установить, кто виновен в причинении результата и каков вклад каждого из субъектов в причинение одного и того же последствия.

В юридической литературе утверждалось, что неосторожная вина всегда исключает осведомленность лиц, причинивших результат, о совместном совершении преступления⁴⁰. Однако это вовсе не означает, что лица, причинившие преступный результат по неосторожности, не могут быть осведомлены о совместном характере исполняемых ими функций, создающих опасность наступления результата. Больше того, осознание совместного характера той или иной деятельности по управлению техническим средством или технологическим процессом предписывается нередко нормативно (соответствующими инструкциями и положениями). В отдельных же случаях неосторожного сопричинения один из субъектов несет ответственность как раз за то, что не проконтролировал или не подстраховал (а обязан был это делать по инструкции) действий другого субъекта и тем самым до-

пустил наступление совместного преступного результата. Все это не может не приниматься во внимание при установлении предметного содержания вины каждого из сопричинителей. В юридической литературе уже отмечалось, что в некоторых формах неосторожного сопричинения все участники предвидят возможность наступления преступных последствий именно совместного поведения, и даже в деталях, и несут ответственность за то, что не сумели совместными усилиями их предотвратить (не согласовали своих действий, не предприняли необходимых совместных действий)⁴¹. Например, такая ситуация налицо, когда дежурный по станции, получив от машиниста локомотива информацию о перегреве буксы, разрешил дальнейшее движение, в результате чего произошла авария. В данном случае оба субъекта заведомо осведомлены о том, что по инструкции движение в подобной ситуации запрещено, ибо оно может привести к аварии, а также о том, что состав не прекратил движения. Оба субъекта несут ответственность за аварию, наступившую из-за того, что они, зная об аварийной ситуации, не предприняли необходимых совместных действий по направлению состава на запасной путь и замене буксы.

Следовательно, в данном случае мы в одном преступном последствии можем усмотреть признаки неосторожной вины в поведении каждого из сопричинителей, причем налицо и осознание взаимосвязанного характера деятельности, которая в конечном счете вызвала один неосторожный преступный результат⁴².

Юридические последствия совершения преступления в неосторожном сопричинении. В связи со слабой разработкой проблемы в теории уголовного права и специальной регламентацией явления в нормах общего характера практические органы нередко испытывают сложности не только в квалификации содеянного сопричинителями, но и при решении общих вопросов, а именно: выявлении круга сопричинителей, определении пределов ответственности каждого из них, индивидуализации наказания. Эти же аспекты связаны с установлением юридических последствий неосторожного сопричинения⁴³.

Определение признаков неосторожного сопричинения позволяет четко выделить круг субъектов, подлежащих уголовной ответственности за наступивший преступный результат. В связи с тем, что неосторожное сопричинение в подавляющем большинстве случаев проявляется при совершении преступления с так называемой бланкетной

диспозицией, в каждом конкретном случае надлежит устанавливать содержание нарушенных правил, конкретных лиц, на которых специально возложена обязанность их соблюдать, четко выявлять тех субъектов, которые своими действиями (бездействием) нарушили эти правила, что и вызвало наступление преступного последствия.

Установление признаков неосторожного сопричинения позволяет разграничить непосредственных причинителей — субъектов, подлежащих уголовной ответственности за преступный результат, от второстепенных участников события и иных причастных к событию лиц (потерпевших, невменяемых, лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, лиц, действовавших невиновно). Факт совершения преступления в неосторожном сопричинении влияет на основание и пределы ответственности виновных за наступивший преступный результат.

В связи с тем, что преступный результат причиняется в силу совместного поведения нескольких лиц и только в таком качестве выступает в виде основания ответственности за содеянное (единое преступление), всегда возникает необходимость в установлении точного «вклада» в него каждым из виновных. Только выяснив это, мы имеем возможность определить пределы и степень участия каждого из субъектов в преступлении.

Факт совершения преступления в неосторожном сопричинении влияет на индивидуализацию наказания каждого из виновных, так как степень участия лица в причинении преступного последствия не может не учитываться судами в процессе назначения наказания каждому из сопричинителей одного и того же преступного последствия.

Глава IV. ОТГРАНИЧЕНИЕ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ОТ СХОДНЫХ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО СТЕЧЕНИЕМ НЕСКОЛЬКИХ ЛИЦ В ОДНОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

Типизированное сочетание обязательных признаков предопределяет отдельные разновидности множественности преступлений либо множественности участников одного преступления, которые порождают специфические для каждого вида уголовно-правовые последствия.

В процессе квалификации преступления, а также при решении иных вопросов, связанных с применением общих норм уголовного права, следует учитывать, что отсутствие любого из признаков, позволяющих выделить ту или иную разновидность множественности, свидетельствует о том, что в содеянном виновным нет ее проявлений, а соответственно, субъект не должен претерпевать на себе вызываемые ею уголовно-правовые последствия.

Приведенное положение имеет практическое значение в связи с тем, что уголовное законодательство знает и другие разновидности стечения нескольких лиц в одном преступлении, которые к институту множественности прямого отношения не имеют и должны четко с ним разграничиваться.

В соответствии с этим необходимо заметить, что в теории уголовного права вопросы систематизации различных форм стечения нескольких физических лиц в одном преступлении специальной разработке не подвергались. Эта проблема еще ждет своих исследователей. Однако ее анализ, даже в постановочном плане, свидетельствует о том, что она заслуживает специального внимания в силу того, что типизированные формы опасных поступков людей, попадающие в сферу действия уголовного законодательства, должны находить однозначное отражение в его нормах и вызывать однотипные правовые последствия.

Прикосновенность к преступлению. Множественность участников одного преступления имеет внешнее сходство с таким общественно опасным поведением двух или более лиц, как прикосновенность к преступлению. Она охватывает определенный тип общественно опасных поступков людей, который характеризуется своими индивидуально-определенными признаками, позволяющими выделить этот самостоятельный уголовно-правовой институт. Прикосновенностью признается умышленное деяние, связанное с преступлением другого лица, но не содействующее его совершению¹. Видами такого деяния признаются: заранее не обещанное укрывательство преступлений; несообщение органам власти о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении (недоносительство); непринятие мер по предотвращению готовящегося, по пресечению совершаемого или по изобличению совершенного преступления (попустительство)².

Первые два вида прикосновенности: заранее не обещанное укрывательство и недоносительство — непосредственно урегулированы в уголовном законодательстве

(ст. ст. 18, 19, 88¹, 88², 189, 190 УК РСФСР). Третий вид — попустительство — непосредственно в уголовном законе отражения не нашел.

Во всех видах прикосновенности одно преступление связывает исполнителя и других причастных к опасному событию лиц. Однако в отличие от соучастия как проявления множественности укрывательство, недоносительство, попустительство не способствуют совершению преступления, они не находятся с ним в причинной и виновной связи. Здесь налицо самостоятельная форма опасного поведения лица, которая развивается в связи с готовящимся, совершенным или оконченным другим лицом преступлением, но не содействующая ему ни физически, ни интеллектуально. Если поведение лица способствует совершению преступления — налицо соучастие в виде пособничества.

Такая квалификация обусловлена наличием всех обязательных для соучастия объективных и субъективных признаков, характеризующих поведение лица как пособничество исполнителю, совершающему преступление. По этой причине заранее обещанное укрывательство, например, квалифицируется по ст. 17 УК РСФСР.

Аналогично решается вопрос и при недоносительстве. Статья 19 УК РСФСР определяет его как недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном преступлении и предусматривает, что оно влечет уголовную ответственность лишь в случаях, специально предусмотренных в Особенной части Уголовного кодекса. Следовательно, юридическая обязанность ставить в известность о преступлении компетентные органы государственной власти, общественные организации и их должностных лиц возлагается на субъекта при совершении преступлений, прямо перечисленных в ст. ст. 88¹ и 190 УК РСФСР.

Попустительство принято определять как умышленное невоспрепятствование подготовке, совершению или сокрытию преступления в случаях, если виновное лицо должно было и могло принять необходимые по его предотвращению, пресечению либо избощичению меры³.

Оно влечет уголовную ответственность в случаях, когда предусмотрено как форма опасного поведения в рамках конкретных составов. Например, попустительство должностных лиц квалифицируется по ст. 170, 260 и др. УК РСФСР, попустительство, проявленное частными лицами, может влечь уголовную ответственность в случаях неокказания помощи (ч. 1 ст. 127); не-

добросовестного отношения к охране государственного или общественного имущества (ст. 100); нарушения уставных правил караульной службы (ст. 255); нарушения правил несения пограничной службы (ст. 256); нарушения правил несения боевого дежурства (ст. 257); нарушения уставных правил внутренней службы (ст. 258) и др.

Во всех перечисленных случаях попустительство влечет ответственность в связи с тем, что на субъекте лежала специальная обязанность предотвращать совершение преступлений другими лицами. Соответственно субъектами ответственности за попустительство выступают чаще всего работники правоохранительных органов, военнослужащие, лица, на которых лежала обязанность охраны социалистической собственности, и др.

Подобное поведение должно четко разграничиваться с соучастием в преступлении. Попустительство превращается в соучастие, если оно заранее, до совершения преступления, было обещано исполнителю. В этом случае оно должно оцениваться как пособничество в виде устранения препятствий к совершению преступления (ст. 17 УК). Например, как соучастие в преступлении надлежит квалифицировать заранее обещанное исполнителю бездействие лица, несущего охрану социалистического имущества, в результате которого оно было беспрепятственно похищено. Пленум Верховного Суда СССР в п. 10 постановления от 11 июля 1972 г. «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» разъяснил, что: «Работник охраны, умышленно содействовавший лицу, совершающему хищение, в выносе имущества, похищаемого с охраняемой территории, или иным способом устранявший препятствия для хищения, несет ответственность за соучастие в хищении государственного или общественного имущества»⁴.

В отличие от соучастия совершение преступления путем попустительства выражается в чистом бездействии лица, обязанного воспрепятствовать подготавливаемому, фактически совершаемому либо укрываемому преступлению. Следовательно, такое поведение субъекта не находится в причинной и виновной связи с фактом совершения преступления другим лицом.

Посредственное причинение. Имеет внешнее сходство с таким видом множественности, как групповое исполнение преступления. На практике эти типы опасных поступков людей должны четко разграничиваться.

Посредственное причинение заключается в совершении субъектом преступления через лиц, которые действуют невиновно или не обладают признаками субъекта преступления.

Посредственные причинители, совершающие преступление «руками» невменяемых, лиц, действующих невиновно, малолетних и т.д., рассматриваются как исполнители. Механизм исполнения преступления в подобных случаях заключается в том, что посредственный причинитель склоняет невменяемого, малолетнего и других лиц к совершению общественно опасных поступков, которые при их выполнении надлежащим субъектом квалифицируются как преступление. По внешнему проявлению такое поведение субъекта напоминает подстрекательство, но им не является, здесь налицо самостоятельная форма опасного поведения, вызывающая правовые последствия, характерные для реального исполнителя преступления.

В посредственном причинении в границах одного преступления проявляется общественно опасное поведение двух лиц. Одно из них, обладая всеми признаками субъекта преступления, склоняет к совершению опасных поступков другого, юридическими признаками субъекта не обладающего. При этом само преступление выполняется субъектом только усилиями невиновно действующего лица (невменяемого, малолетнего и др.).

Множественности участников одного преступления в этом варианте поведения нет, так как фактически преступление выполняется одним лицом. Второе выступает в качестве слепого инструмента, использованного в ходе совершения преступления. Ситуация, как было показано выше, меняется, если преступление выполняется субъектом своими усилиями с привлечением дополнительных усилий невменяемого, малолетнего и др. В этом случае налицо множественность участников одного преступления, так как фактически объективные признаки посягательства выполняются двумя физическими лицами, что вызывает определенные уголовно-правовые последствия.

От соучастия в преступлении посредственное причинение отличается несколькими показателями. В посредственном причинении отсутствует объективный признак соучастия — наличие двух и более лиц, каждое из которых обладает признаками субъекта преступления. Субъект при этой форме опасного поведения всегда действует в одиночку.

При посредственном причинении сознанием виновного должно охватываться, что у фактического причинителя

отсутствуют признаки субъекта преступления. На стороне виновного должно быть установлено также наличие желания совершить общественно опасный поступок его руками, оцениваемый законом как преступление. По другому проявляется субъективная связь в соучастии. В последнем случае лицо склоняет к совершению преступления субъекта, обладающего надлежащими юридическими признаками. Например, подстрекатель формирует у объекта намерение, решимость совершить преступление. Именно поэтому подстрекатель и исполнитель действуют совместно.

При квалификации действий, совершаемых как посредственное причинение, возникает несколько правовых последствий. Во-первых, посредственный причинитель несет ответственность в границах, установленных для исполнителя преступления. Во-вторых, он же несет ответственность за все предусмотренные конкретным составом последствия, даже если они фактически причинены усилиями невменяемого, малолетнего или лица, действующего невиновно.

В-третьих, посредственное причинение в силу того, что оно существенно повышает общественную опасность содеянного, в ряде случаев принимается во внимание в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность в процессе назначения наказания за совершенное преступление. Этот вариант правового последствия возможен в случае совершения преступления руками лица, не достигшего возраста уголовной ответственности. Так, в соответствии с п. 6 ст. 39 УК РСФСР обстоятельством, отягчающим ответственность, признается подстрекательство несовершеннолетнего к совершению преступления или привлечение несовершеннолетнего к участию в нем.

В-четвертых, посредственное причинение исключается, если лицо пытается выполнить преступление чужими руками, но само не может быть субъектом данного преступного посягательства. Например, нельзя признать недолжностное лицо посредственным причинителем должностного злоупотребления.

Иные виды стечения нескольких лиц в одном преступлении, разновидности которых следует разграничивать с множественностью участников одного преступления и которые вызывают те или иные уголовно-правовые последствия, подлежащие оценке в процессе разрешения конкретного уголовного дела.

При конструировании ряда составов законодатель использует термин «группа» не как проявление множественности, а в иных качествах. Например, в ст. 227 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за организацию или руководство группой, деятельность которой, проводимая под видом проповедования религиозных вероучений и исполнения религиозных обрядов, сопряжена с причинением вреда здоровью граждан или с иными посягательствами на личность или права граждан, либо с побуждением граждан к отказу от общественной деятельности или исполнения гражданских обязанностей, а равно с вовлечением в эту группу несовершеннолетних (ч. 1 ст. 227 УК РСФСР), а также за активное участие в деятельности подобной группы (ч. 2 ст. 227 УК РСФСР). Здесь термин «группа» использован законодателем для описания необходимого признака объективной стороны преступного посягательства, характеризующего обстановку его совершения.

В таком же качестве закон использует термин «участники» при описании состава массовых беспорядков (ст. 79 УК РСФСР). В приведенном случае слово «участники» ассоциируется с наличием нескольких лиц или толпы, которые характеризуют фон, обстановку, сопутствующие факту совершения посягательства. Более того, именно в результате учинения опасных поступков в таких группах или при наличии толпы существенно видоизменяется опасность самого поступка, и поэтому такое поведение оценивается законодателем как преступление.

Эти термины выступают как обязательные признаки соответствующих составов, что должно учитываться в процессе квалификации. Как «группу», так и «участников» могут составить любые физические лица, в том числе и не обладающие признаками субъекта преступления. Нетрудно заметить, что к соучастию в преступлении или к иным видам множественности участников одного преступления анализируемые проявления «группы» отношения не имеют. Они оцениваются как неотъемлемый признак состава, характеризующий обстановку

В другом качестве используется такой термин в составе, предусмотренном ст. 190³ УК РСФСР. Эта норма устанавливает уголовную ответственность за организацию или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок. Употребляя понятие «групповое действие», закон, в отличие от других проявлений множественности участников одного преступления, обратил внимание на такой существенный признак

этого состава, как способ совершения посягательства. Виновные: организаторы либо активные участники групповых действий — в процессе посягательства используют нескольких или многих лиц, действующих одновременно и совместно. В отличие от соучастия в преступлении групповое действие может включать лиц, действующих невиновно, лиц, ведущих себя пассивно, оно может охватывать усилия невменяемых, лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, и др. Субъектами данного преступления выступают только организаторы и активные участники групповых действий. Они организуют усилия нескольких человек или многих с тем, чтобы нарушить общественный порядок, создать угрозу общественной безопасности, нарушить правильную деятельность органов власти. Групповое действие является в данном составе признаком объективной стороны. Само посягательство в результате группового действия приобретает большую интенсивность, больший энергетический уровень, создает более серьезную угрозу охраняемым общественным отношениям и по этой причине получает юридическую оценку в качестве обязательного признака состава преступления.

Групповое действие проявляется в нем как способ совершения посягательства. К множественности участников одного преступления оно не имеет отношения.

В некоторых случаях уголовный закон в качестве обязательных признаков конкретных составов преступлений использует понятие «преступная группировка». Например, ст. 77¹ УК РСФСР, наряду с другими формами, предусматривает уголовную ответственность лиц, организующих преступные группировки или активно участвующих в них. Преступная группировка в данном составе представляет предварительно объединившуюся устойчивую группу из двух или более лиц, созданную специально для терроризирования других осужденных, вставших на путь исправления, или для совершения нападения на администрацию. Все ее участники обладают общими признаками субъекта преступления. Ответственность наступает за организацию преступной группировки или активное участие в ней. Сама преступная группировка выступает как одно из проявлений необходимого соучастия. В таком же качестве законодатель использует иные варианты стечения нескольких лиц в одном преступлении, например, банду как разновидность преступного сообщества (ст. 77 УК), антисоветскую организацию (ст. 72 УК) и др.

В ряде составов в качестве их обязательных признаков учитывается такое стечение нескольких лиц в одном преступлении, как причинение вреда нескольким потерпевшим, например: п. «з» ст. 102 УК предусматривает ответственность за умышленное убийство двух или более лиц; ч. 3 ст. 115 УК — за заражение венерической болезнью двух или более лиц; ч. 3 ст. 140 УК — за нарушение правил охраны труда, повлекшее причинение тяжких телесных повреждений нескольким лицам; ч. 3 ст. 211 УК — за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами, повлекшее гибель нескольких лиц. Стечение нескольких потерпевших как обязательный элемент используется и в других составах.

Причинение вреда нескольким лицам в ходе совершения посягательства всегда существенно повышает общественную опасность содеянного в силу причинения более серьезного вреда объекту охраны. По этой причине законодатель, как правило, учитывает стечение потерпевших как необходимый признак квалифицированных составов.

Совершение преступления организованной группой включено в перечень обстоятельств, отягчающих ответственность в процессе назначения наказания за конкретное преступление. В отличие от множественности, когда факт участия нескольких лиц в одном преступлении влияет на основание и пределы ответственности, в анализируемом случае закон реагирует на отклонение общественной опасности, происходящее на уровне конкретного преступления, что имеет значение для индивидуализации наказания, определяемого за него.

Относя к обстоятельству, отягчающему ответственность, только совершение преступления организованной (а не всякой) группой, законодатель подчеркивает, что при этом резко повышается общественная опасность содеянного, но его юридическая оценка не меняется. Исключение, как было показано выше, судебная практика делает лишь для квалификации хищений. По общему же правилу суд на основе конкретных материалов дела может и должен оценить, повышена ли степень опасности отдельного индивидуально-определенного группового посягательства настолько, чтобы придать этому факту значение обстоятельства, отягчающего ответственность.

В отличие от иных проявлений множественности, в частности соучастия, правило, предусмотренное п. 2

ст. 39 УК, исполняет в механизме уголовно-правового регулирования иную роль. Если, например, соучастие в преступлении отражает характер опасности типизированных поступков, которые требуют борьбы уголовно-правовыми средствами, поэтому и фиксируются в статьях закона, влияющих на квалификацию содеянного как преступного, то правила, сформулированные в п. 2 ст. 39 УК, являются показателем повышения опасности деяния, в конкретном случае уже квалифицированного как групповое преступление. Поэтому функции таких правил иные. Они призваны максимально обеспечить назначение индивидуализированного наказания лицу в целях последующего его исправления и перевоспитания.

Самостоятельная функциональная роль группового признака, предусмотренного п. 2 ст. 39 УК, предопределяет решение вопроса о конкуренции анализируемой нормы с иными, сформулированными по признаку совершения посягательства группой лиц. Соотношение в данном случае характеризуется общим правилом: эта норма может применяться во всех случаях, когда факт совершения преступления организованной группой не учтен в качестве необходимого признака конкретного основного или квалифицированного состава. Если же учтен, то его нельзя рассматривать как обстоятельство, отягчающее ответственность.

Здесь вступает в силу общая закономерность, присущая уголовному праву, — одно и то же юридически тождественное явление в одном и том же качестве и объеме не может одновременно охватываться и оцениваться двумя различными конкретными нормами, влекущими неодинаковые правовые последствия. Например, в ст. 58 УК НРБ специально оговорено, что «не рассматриваются в качестве смягчающих и отягчающих обстоятельств те обстоятельства, которые предусмотрены законом при определении соответствующего преступления». Аналогичное общее правило закреплено в абзаце 3 § 61 УК ГДР. Он гласит: «Если нарушенный закон устанавливает, что определенные обстоятельства обосновывают, смягчают или отягчают уголовную ответственность, то наличие какого-либо из таких обстоятельств не должно учитываться для еще большего смягчения или усиления наказания».

В подобной ситуации одна из норм неизбежно перекрывается другой и бездействует. В конечном счете одна из них не будет нести нагрузки в механизме уголовно-правового регулирования.

Уяснение содержания правила, сформулированного в п. 2 ст. 39 УК, позволяет сделать несколько конкретных выводов по его применению.

Во-первых, п. 2 ст. 39 УК может учитываться при назначении наказания лицам, совершившим преступление в группе, а не при наличии показателей сложного соучастия, когда преступление непосредственно выполняется одним исполнителем при участии организатора, подстрекателя, пособника. Это означает, что прежде чем определить, носит ли группа организованный характер, надлежит сначала установить ее наличие.

Во-вторых, совершение преступления организованной группой как обстоятельство, отягчающее ответственность, может приниматься в расчет: а) когда закон отражает факт совершения преступления группой, формулируя квалифицированный состав (ч. 2 ст. 89—93, ч. 3 ст. 117 и др.); б) когда преступление фактически совершено группой лиц, хотя закон признак «группы» в квалифицированном составе не предусматривает.

В-третьих, совершение преступления организованной группой не может учитываться в качестве отягчающего обстоятельства при назначении наказания виновным, совершившим преступления, составы которых учли групповой признак в качестве необходимого (например, ст. 160 УК Молдавской ССР и ст. 177 УК Узбекской ССР предусматривают ответственность за обман покупателей, совершенный организованной группой).

* * *

Предложенная на обсуждение гипотеза множественности преступлений и их участников, при ее внедрении в практику конструирования норм уголовного законодательства, позволяет, на наш взгляд, однозначно решать многие сложные вопросы квалификации общественно опасных деяний данного типа. А это способствовало бы обеспечению более эффективной борьбы с преступлениями, совершаемыми при наличии признаков множественности, соблюдению законных прав и интересов граждан. Системное изложение проблем множественности имеет значение и для изучения данного правового явления в учебном процессе.

Именно такие задачи преследовал автор, по-новому освещая поставленные в работе вопросы.

ССЫЛКИ И КОММЕНТАРИИ

Введение

- ¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1986. — С. 128.
- ² Правда. — 1987. — 28 янв.
- ³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — С. 165.
- ⁴ Там же. — С. 160.
- ⁵ Правда. — 1985. — 12 мар.
- ⁶ См.: Дагель П. С. Теоретические вопросы совершенствования уголовного законодательства // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. — М.: Изд-во ИГПАН, 1979. — С. 57.
- ⁷ См.: Бородин С. В. Совершенствование законодательных мер борьбы с преступностью в свете Конституции СССР // Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. — С. 49.
- ⁸ Очевидно, что в современных условиях криминализация охватывает лишь обоснованный минимум опасных деяний.
- ⁹ См.: Советское уголовное право. Общая часть. — Свердловск: Изд-во СЮИ, 1973; Советское уголовное право. Общая часть. — М.: Изд-во МГУ, 1974; Советское уголовное право. Общая часть. — М.: Юрид. лит., 1977; и др.

Глава I. Множественность — институт уголовного права

- ¹ См.: Галиакбаров Р., Фролов Е., Ефимов М. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права // Сов. юстиция. — 1967. — № 2; Фролов Е. А., Галиакбаров Р. Р. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права. — Свердловск: Изд-во СЮИ, 1967; Дагель П. С. Множественность преступлений. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1969; Малков В. П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. — Казань: Изд-во КГУ, 1982; Юшков Ю. Н. Множественность преступных деяний: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск: Изд-во СЮИ, 1974; Криволапов Г. Г. Множественность преступлений по советскому уголовному праву. — М.: Акад. МВД СССР, 1974; Зелинский А. Квалификация преступлений, предусмотренных одной и той же статьей Уголовного кодекса // Сов. юстиция. — 1974. — № 4; и др. В целях системного изложения материала мы проанализируем основные положения этой концепции.
- ² В Уголовном кодексе НРБ 1968 года вопрос о множественности преступлений рассматривается в разделе IV главы 2.
- ³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1986. — С. 85.
- ⁴ Далее: Основы.
- ⁵ См.: Харитонова И. Р. Неосторожное сопричинение в советском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск: Изд-во СЮИ, 1985.

- ⁶ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924—1977. Часть 2. — М.: Известия, 1981. — С. 181.
- ⁷ Как подчеркивается выше, множественность с ее закономерностями проявляет себя и на уровне объекта уголовно-правовой охраны, и на уровне предметного содержания вины. Однако в рамках этой работы, с учетом ее объема, данный аспект не анализируется.
- ⁸ См.: Кудрявцев В. Н. Научные предпосылки криминализации // Криминология и уголовная политика. — М.: Изд-во АН СССР, 1985. — С. 107.

Глава II. Множественность преступлений

- ¹ См.: Советское уголовное право. Общая часть. — М.: Юрид. лит., 1977. — С. 293; Фролов Е. А., Галиакбаров Р. Р. Множественность преступных деяний как институт советского уголовного права. — Свердловск: Изд-во СЮИ, 1967. В данном разделе используются фрагменты этой работы.
- ² См.: Об условиях применения давности и амнистии к длящимся и продолжаемым преступлениям: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2. — М.: Известия, 1981. — С. 77.
- ³ Там же. — С. 145.
- ⁴ См.: Там же. — С. 76.
- ⁵ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1978. — № 1. — С. 10.
- ⁶ В ряде статей Уголовного кодекса, помимо термина «повторность», употребляются также другие («неоднократность», «систематичность», «промысел»), которые по существу представляют собой специфические разновидности повторности.
- ⁷ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1984. — № 6. — С. 14.
- ⁸ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1976. — № 4. — С. 9.
- ⁹ См.: Ткаченко В. Квалификация повторных преступлений // Сов. юстиция. — 1987. — № 2. — С. 20.
- ¹⁰ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1972 — № 4; 1977. — № 6; 1984. — № 4.
- ¹¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1983. — № 12. — С. 3.
- ¹² См.: Юшков Ю. Н. Множественность преступных деяний (вопросы квалификации преступлений и назначения наказания): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск: Изд-во СЮИ, 1974. — С. 12.

Глава III. Множественность участников одного преступления

- ¹ См., например: Гришаев П. И. Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. — М.: Госюриздат, 1959. — С. 53; Виттенберг Г. Б. О некоторых вопросах учения о соучастии // Тр. / Иркут. гос. ун-т. Т. 27. Вып. 4. — Иркутск, 1958. — С. 64; Пионтковский А. А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. — М.: Юрид. лит., 1961. — С. 563; Научный комментарий УК РСФСР. — Свердловск: Изд-во СЮИ, 1964. — С. 55; и др.
- ⁹ При сбалансированности института соучастия в преступлении, до-

- полнении его понятием группового преступления соответственно изменилась бы и классификация соучастия на формы. В его рамках по критерию характера участия в совершении преступления выявлялись бы: сложное соучастие, групповое преступление, необходимое соучастие, специально предусмотренное нормами Особенной части.
- ³ См.: Правда. — 1986. — 30 нояб.
- ⁴ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1986. — С. 165.
- ⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 25. — С. 437.
- ⁶ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1987. — № 3. — С. 6.
- ⁷ Бюллетень Верховного Суда Латв. ССР. — 1981. — № 2; 1983. — № 2. — С. 9.
- ⁸ Сходные предложения в различных редакциях высказывались и другими авторами. См.: Кузнецов А. Вопросы развития науки уголовного права // Сов. юстиция. — 1987. — № 2. — С. 10; Барков А. В. Уголовный закон и раскрытие преступлений. — Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1980. — С. 56.
- ⁹ Труфанов В. В., Милуков С. Ф. [Рецензия] // Правоведение. — 1980. — № 3. — С. 109. — Рец. на кн.: Орымбаев Р. Специальный субъект преступления. — Алма-Ата: Наука, 1977. — 152 с.
- ¹⁰ Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1972. — № 4. — С. 11.
- ¹¹ По нашему мнению, этот вопрос должен решаться однозначно и при посягательствах, предусмотренных ч. 2 ст. 144 и др. УК РСФСР.
- ¹² См.: Ананьин А. Ф. Организация, подстрекательство и пособничество в групповом преступлении: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск: Изд-во СЮИ, 1980. — С. 21; Сафронов Р. Д. Добровольный отказ от совершения преступления и деятельное раскаяние преступника: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М.: Изд-во МГУ, 1977. — С. 10.
- ¹³ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. — 1979. — № 1. — С. 9.
- ¹⁴ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. — М.: Известия, 1981. — С. 181.
- ¹⁵ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР. 1961—1983. — М.: Юрид. лит., 1984. — С. 213.
- ¹⁶ См.: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. — М.: Юрид. лит., 1985. — С. 198. См. также: О судебной практике по делам о грабежах и разбоях: Постановление Пленума Верховного Суда Литовской ССР // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Литовской ССР. 1961—1980. — Вильнюс, 1981. — С. 350-352; О практике судов Латвийской ССР по делам о посягательствах на личную собственность граждан, совершенных путем кражи, грабежа, разбоя и мошенничества: Постановление Пленума Верховного Суда Латвийской ССР // Бюллетень Верховного Суда Латв. ССР. — 1981. — № 2; 1983. — № 2.
- ¹⁷ См.: Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. — М.: ВЮЗИ, 1978. — С. 9; Кригер Г. А. Квалификация хищений

- социалистического имущества. — М.: Юрид. лит., 1971. — С. 243-244; и др.
- ¹⁸ См., например: Галиакбаров Р. Юридическая природа группы лиц в уголовном праве // Сов. юстиция. — 1970. — № 11. — С. 34-38.
- ¹⁹ См.: Бурчак Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. — Киев: Наукова думка, 1969. — С. 168.
- ²⁰ Подобное предложение вносилось Сабировым Р. Д. См.: Сабиров Р. Д. Уголовно-правовая борьба с насильственными групповыми посягательствами: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск: Изд-во СЮИ, 1981. — С. 8.
- ²¹ В литературе о неосторожном сопричинении упоминалось в немногих работах. См.: Кузнецова Н., Кудрявцев В. Квалификация соучастия в преступлении // Сов. юстиция. — 1962. — № 19. — С. 15; Галиакбаров Р. Р. Групповое преступление. — Свердловск: Изд-во СЮИ, 1973. — С. 93-94. Понятие неосторожного сопричинения использовалось здесь, чтобы вывести данную разновидность преступлений за пределы соучастия в преступлении. Он же. Неосторожное сопричинение как вид множественности участников преступления // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1981. — С. 28-34; Гринберг М. С. Ответственность за преступную неосторожность при действии производственного коллектива // Сов. гос-во и право. — 1979. — № 8. — С. 107-108; Дагель П. С. Неосторожное преступление: Общая характеристика неосторожного преступления в сфере использования техники // Проблемы борьбы с преступной неосторожностью. Вып. 2. — Владивосток, 1978. — С. 11; Он же. Причинная связь в преступлениях, совершенных по неосторожности // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 34. — М.: Юрид. лит., 1981. — С. 35-37; Харитонова И. Р. Неосторожное сопричинение в советском уголовном праве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск: Изд-во СЮИ, 1985.
- ²² В уголовном законодательстве в настоящее время имеются составы, допускающие неосторожное сопричинение преступления при отсутствии преступных последствий. Для иллюстрации уместно привести ст. 84 УК, устанавливающую ответственность за нарушение правил международных полетов. Такое нарушение правил может быть допущено экипажем воздушного судна и по неосторожности.
- ²³ См.: Кудрявцев В. Правовая наука и актуальные вопросы социалистической законности // Коммунист. — 1976. — № 2. — С. 87.
- ²⁴ Более подробно см.: Дагель П. С. неосторожность: Уголовно-правовые и криминологические проблемы. — М.: Юрид. лит., 1977.
- ²⁵ См.: Харитонова И. Р. Указ. соч. — С. 9.
- ²⁶ См.: Криминология. — М.: Юрид. лит., 1976. — С. 410.
- ²⁷ См.: Харитонова И. Р. Указ. соч. — С. 7.

- ²⁸ См.: Кузнецова Н., Кудрявцева В. Квалификация соучастия в преступлении // Сов. юстиция. — 1962. — № 19. — С. 15.
- ²⁹ См.: Дагель П. С. Причинная связь в преступлениях, совершенных по неосторожности // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 34. — М.: Юрид. лит., 1981. — С. 35 ; Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1966. — № 5. — С. 24-25.
- ³⁰ См.: Нерсесян В. А. Ответственность за неосторожные преступные деяния в свете научно-технической революции: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1983. — С. 19.
- ³¹ Харитонова И. Р. Указ. соч. — С. 10.
- ³² См.: Бюллетень Верховного Суда СССР. — 1966. — № 5. — С. 25.
- ³³ См.: Пути повышения безопасности судоходства: Обзорная информация ММФ ЦБНТИ, 1973. — С. 8, 11. Сходные данные приведены Пономаревым В. Е. См.: Человек и безопасность судовождения. — М.: Транспорт, 1976. — С. 62; и др.
- ³⁴ Верно подчеркивает М. С. Гринберг, что база конструкции неосторожного сопричинения — современное высокомеханизованное производство. См.: Гринберг М. С. Ответственность за преступную неосторожность при действии производственного коллектива // Сов. гос-во и право. — 1979. — № 8. — С. 107.
- ³⁵ См.: Харитонова И. Р. Указ. соч. — С. 9.
- ³⁶ См.: Там же. — С. 10.
- ³⁷ Так, М. С. Гринберг относит к неосторожному посредственному причинению такие факты, когда в процессе профессионального отбора ответственное лицо оформляет и допускает к работе человека, заведомо неспособного обеспечить ее как в силу отсутствия специальных познаний, так и своих психофизиологических возможностей, в результате наступают предусмотренные законом последствия. См.: Гринберг М. С. Указ. соч. — С. 106.
- ³⁸ См.: Судебная практика Верховного Суда СССР. — М., 1948. — Вып. 2. — С. 15.
- ³⁹ См.: Тер-Акопов А. Причинная связь в преступлениях, связанных с нарушением должностных функций // Сов. юстиция. — 1984. — № 22. — С. 3.
- ⁴⁰ См.: Бородин С. Еще раз о соучастии // Соц. законность. — 1957. — № 12. — С. 19; Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. — М.: Юрид. лит., 1974. — С. 55.
- ⁴¹ См.: Харитонова И. Р. Указ. соч. — С. 12.
- ⁴² Типичный пример такого психического отношения субъектов к содеянному воспроизведен в статье В. Гребенюк «ЧП на станции Кабаклы», когда в результате грубого нарушения со стороны трех субъектов правил производства ремонта стрелок и средств сигнализации произошло столкновение пассажирского и грузового поездов. См.: Лит. газ. — 1985. — 30 окт. — № 44. — С. 12.
- ⁴³ См.: Харитонова И. Р. Указ. соч. — С. 12.

**Глава IV. Отграничение множественности
от сходных деяний,
связанных со стечением
нескольких лиц
в одном преступлении**

- ¹ См.: Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. — М.: Юрид. лит., 1974. — С. 162.
- ² См.: Виттенберг Г., Панченко П. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та им. А. А. Жданова, 1976. — С. 11.
- ³ См.: Там же. — С. 25.
- ⁴ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1977. Часть 2. — М.: Известия, 1981. — С. 144.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	3
Глава I. Множественность — институт уголовного права	10
Глава II. Множественность преступлений	22
Глава III. Множественность участников одного преступления	41
Глава IV. Отграничение множественности от сходных деяний, связанных со стечением нескольких лиц в одном преступлении	80
Ссылки и комментарии	91

*Предусмотрено дополнительным
планом выпуска литературы на 1987 г*

Учебное пособие

**Доктор юридических наук профессор
Ромэн Рахиммулович Галиакбаров**
**КВАЛИФИКАЦИЯ МНОГОСУБЪЕКТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
БЕЗ ПРИЗНАКОВ СОУЧАСТИЯ**

*Редактор Л. В. Клипель
Технический редактор Л. В. Клипель
Корректор В. А. Шиман*

Сдано в набор 14 05 87 Подписано к печати 15 07 87 Формат 84×108/32 Бумага офсетная № 2 Гарнитура литературная Печать офсетная 5,04 усл печ л 5,64 уч-изд л Тираж 1000 экз. Заказ № 185 Цена 20 коп Хабаровская высшая школа МВД СССР Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдела

680020, Хабаровск, Казарменный пер., 15